

АННА ВОЛКОВА

Я СОЗДАМ ТЕБЕ МИР

Иногда самая большая сила —
это возможность всё изменить.
А самая страшная цена — понять,
что некоторые вещи исправлять нельзя.

Анна Волкова

Я создам тебе мир

«Автор»

2026

Волкова А.

Я создам тебе мир / А. Волкова — «Автор», 2026

Она всегда мечтала создать идеальный мир. Мир без жестокости, случайностей и правил, которые кто-то другой написал за неё. Мир, где она сама решает, какой будет её жизнь. И однажды она оказывается внутри такого мира. Здесь всё так, как она когда-то хотела: прекрасное королевство, магия, которой ни у кого кроме нее, и мужчина, о котором она мечтала. Пока она изучает мир, он единственный, кто осмеливается напоминать ей: даже тому, кто способен изменить целый мир, не подвластно самое сложное — чужое сердце. А какую цену ей придется заплатить за свое счастье?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Право решать	5
Глава 2. То, чего она никогда не планировала	8
Глава 3. Разговор, который должен был случиться раньше	13
Глава 4. Последняя дорога прежнего мира	17
Глава 5. Мир, которого не должно было существовать	21
Глава 6. Правила, которых никто не писал	25
Глава 7. Когда мысль становится приказом	30
Глава 8. Те, кто помнит больше	33
Глава 9. Тот, кого здесь не должно быть	37
Глава 10. Право возражать	41
Глава 11. То, что отвечает на прикосновение	45
Глава 12. Цена хлеба	48
Глава 13. Цена чуда	52
Глава 14. Дорога на север	56
Глава 15. Там, где кончается дорога	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анна Волкова

Я создам тебе мир

Глава 1. Право решать

В тот вечер город за окном казался особенно чужим, словно кто-то незаметно передвинул привычные улицы на несколько сантиметров и теперь ждал, заметит ли она подмену. Лея сидела перед ноутбуком уже третий час, не включая верхний свет, и только настольная лампа оставляла на столе тёплый круг, в котором лежали раскрытый блокнот, чашка давно остывшего кофе и несколько исписанных листов. На экране застыла последняя сцена её романа. Лея стояла на вершине белой башни, откуда открывался вид на северное море, заснеженные леса и город, построенный на каменных уступах. Под её ногами начиналась буря, но над крышами домов уже расходились облака, пропуская золотой свет. Внизу люди ещё не знали, что завтра их жизнь станет другой, потому что женщина на башне собиралась изменить одно-единственное правило мира.

Она перечитала абзац, нахмурилась и снова подвинула курсор к последней строке.

— Слишком красиво для сцены, которая должна пугать, — пробормотала она, рассматривая собственные слова с профессиональной подозрительностью. — Значит, где-то здесь я опять позволила себе полюбить красивую картинку больше, чем саму историю.

Она удаляла неудачные фразы без сожаления. Слова для неё никогда не были священными, даже если над ними приходилось просиживать ночи. Если предложение не работало, его можно было переписать. Если сцена не выдерживала следующей главы, её можно было разорвать до основания. Если персонаж вдруг начинал вести себя нелогично, она не обвиняла его в предательстве, а искала место, где сама позволила ему свернуть не туда. С людьми этот принцип почему-то работал гораздо хуже. Телефон завибрировал возле чашки, заставив её вздрогнуть сильнее, чем требовало обычное уведомление. На экране появилось имя Лиоры, а следом пришло сообщение, состоявшее из фотографии, трёх восклицательных знаков и короткой фразы о том, что издатель снова хочет получить финальную версию рукописи к утру.

Она улыбнулась, открыла фотографию и увидела на ней Лиору с выражением человека, который готов лично прийти и вынести ноутбук из квартиры вместе с хозяйкой.

— Если она действительно придёт, я перееду в другую страну, — ответила она, набирая сообщение одной рукой. — Причём желательно туда, где издателей считают мифическими существами.

Ответ появился почти мгновенно. Лиора никогда не любила долгих пауз, особенно когда речь шла о работе подруги. Она могла часами спорить с ней о мотивации персонажа, но ещё быстрее находила способ напомнить, что дедлайны существуют независимо от творческого вдохновения. Она закрыла переписку и снова посмотрела на экран. На полке напротив стояла старая коробка с распечатанными черновиками первого романа. Она хранила их не из сентиментальности, а из профессионального упрямства. В первых версиях её нынешнего мира не было ни северного королевства, ни древних руин, ни мирового древа, ни женщины, способной менять законы реальности одним намерением. Там был только мужчина, которого она придумала однажды ночью, когда слишком устала быть разумной.

Он появился в тексте почти случайно, но уже через несколько страниц стал вести себя так, будто давно жил там самостоятельно. Она называла его идеальным слишком часто, чтобы действительно считать его идеальным. У него была спокойная манера говорить, привычка спорить там, где другие соглашались, и раздражающая способность замечать то, что она предпочитала оставлять без внимания. В ранних версиях он получался почти безупречным, но со

временем она намеренно добавила ему недостатки: шрам возле брови, привычку скрывать боль и склонность принимать решения раньше, чем кто-либо успевал его остановить. Получилось убедительнее. А вместе с этим появилось что-то опасное, чего она сначала не заметила.

Она потянулась к блокноту, открыла чистую страницу и записала несколько слов, которые давно крутились в голове: «Человек не становится свободным только потому, что получил возможность выбирать». Через секунду она перечеркнула написанное одной резкой линией. Слишком прямолинейно для неё. Она перевернула страницу и записала другую мысль: «Иногда самым страшным подарком становится право решить самому». Эту фразу она оставила. В коридоре послышался поворот ключа, и через мгновение дверь открылась. Она даже не обернулась, потому что узнала его шаги раньше, чем услышала голос. Он всегда двигался немного тише, чем ожидалось от человека его роста, и почти никогда не хлопал дверями, будто считал лишний шум личным оскорблением.

— Если ты собираешься работать до утра, хотя бы сделай вид, что умеешь отдыхать, — произнёс он, снимая куртку.

Она посмотрела на него через плечо и заметила мокрые от дождя волосы, усталость в лице и ту самую улыбку, которая появлялась у него всякий раз, когда он видел её за очередной попыткой победить ночь.

— Я отдыхаю между предложениями, — ответила она. — Иногда даже между запятыми, если авторская совесть позволяет такую роскошь.

— Тогда твой отдых выглядит подозрительно похожим на вторую смену.

Он поставил на стол бумажный пакет с едой и осторожно отодвинул в сторону её чашку. Она автоматически вернула чашку на прежнее место. Он снова отодвинул её, уже с таким выражением лица, будто между ними начались переговоры государственного масштаба.

— Не начинай, — предупредил он.

— Я ещё ничего не сказала.

— Поэтому я и успел подготовиться.

Уголок её губ дрогнул, хотя она сделала всё возможное, чтобы не дать ему заметить улыбку. Разумеется, он её заметил. Он всегда замечал. В этом и заключалась одна из самых раздражающих особенностей их отношений: рядом с ним было слишком трудно оставаться непроницаемой. Он не требовал откровенности, не задавал вопросов, когда она явно не хотела отвечать, но каким-то образом всё равно замечал перемены в её голосе, задержку перед ответом или то, как она начинала поправлять лежащие на столе вещи, когда нервничала. Сейчас она машинально выровняла блокнот относительно края стола. Он ничего не прокомментировал. Только открыл пакет и достал две коробки с ужином.

— Ты опять забыл, что я не люблю кинзу, — заметила она, приподнимая крышку.

— Я ничего не забыл, — возразил он с невозмутимым видом. — Я купил тебе еду без кинзы.

Она увидела зелень, затем внимательно посмотрела на него.

— Ты сейчас действительно решил спорить со мной о зелени?

— Я сейчас действительно решил накормить тебя, пока ты не начнёшь редактировать собственное имя за недостаточную драматичность.

Она тихо рассмеялась и наконец отложила ноутбук. В такие минуты ей нравилось думать, что жизнь устроена проще, чем она привыкла считать. Есть стол, тёплая еда, дождь за окном и человек напротив, который знает, какую зелень она ненавидит, но всё равно время от времени покупает её специально, чтобы получить повод для спора. Ей нравилась эта предсказуемость. И одновременно она её пугала. Она никогда не боялась перемен, если сама выбирала их. Переезд, новый роман, новый контракт, новый город — всё это казалось терпимым, пока решение принадлежало ей. Страшнее всего было другое: однажды проснуться и понять, что жизнь уже выбрала за неё, пока она была занята тем, чтобы красиво описывать чужие выборы.

— Ты опять ушла куда-то далеко, — заметил он.

Она подняла взгляд и на несколько секунд задержала его на его лице.

— Я здесь, просто думаю о финале.

— Телом ты здесь, а мыслями уже где-то над очередным вымышленным королевством.

Она чуть заметно усмехнулась.

— Моим королевствам хотя бы можно приказать вести себя разумно.

— Поэтому ты их и любишь.

Она хотела отшутиться, но почему-то не стала. Он смотрел на неё спокойно, без давления, и поэтому ответить оказалось сложнее.

— Иногда мне кажется, что если я перестану всё контролировать хотя бы на неделю, всё развалится, — призналась она после короткой паузы.

— Тогда попробуй не контролировать хотя бы один вечер.

Она покачала головой.

— Это звучит как очень плохой план.

— Для тебя почти любой хороший план сначала звучит плохо.

Она усмехнулась, но спорить не стала. После ужина он ушёл в душ, а она вернулась к рукописи. На экране снова появилась белая башня, только теперь она уже не казалась ей красивой. В ней было что-то слишком знакомое, почти личное, словно она не придумывала это место, а пыталась вспомнить его. Она провела пальцами по письменному столу. Ощущение исчезло так же быстро, как появилось. Она открыла следующую главу и начала печатать.

«Если бы существовал мир, который можно изменить одним желанием, она прежде всего убрала бы случайность».

Она перечитала предложение и на этот раз не стала его исправлять. За стеной равномерно шумела вода, а где-то совсем рядом коротко и мерно прозвучал электронный сигнал. Она на несколько секунд остановилась, прислушиваясь, но звук больше не повторился. Телефон снова загорелся на столе. На этот раз сообщение было не от Лиоры.

«Когда ты освободишься, нам нужно поговорить».

Она перечитала его дважды, потом ещё раз, будто между словами могло появиться что-то, чего не было видно с первого взгляда. В ванной перестала шуметь вода. Она закрыла ноутбук, выпрямилась и впервые за весь вечер почувствовала, что привычный порядок вещей начал едва заметно сдвигаться. Причём на этот раз она понятия не имела, кто именно сделал первый шаг.

Глава 2. То, чего она никогда не планировала

После того сообщения квартира будто стала меньше, хотя стены оставались на прежних местах, а дождь за окном всё так же мерно стекал по стеклу. Лея сидела перед закрытым ноутбуком, положив ладони поверх крышки, и слушала тишину, которая теперь казалась гораздо громче любого разговора. В ванной за стеной что-то щёлкнуло, затем коротко загудело и снова стихло. Этот звук напомнил ей электронный сигнал, который она уже слышала вечером, однако теперь он отозвался внутри неприятной пустотой, словно память пыталась подтолкнуть её к мысли, которую она пока не хотела формулировать. Она поднялась из-за стола слишком резко и несколько секунд стояла неподвижно, ожидая, пока исчезнет лёгкое головокружение. Последние две недели она списывала подобные ощущения на недосып, кофе натощак и бесконечные сроки, потому что у каждой неприятности существовало объяснение, если достаточно долго перебирать возможные причины.

В этом она была почти профессионалом. Когда объяснение не находилось, она создавала его сама. Она прошла на кухню, открыла верхний шкаф и некоторое время смотрела на пачку сухого печенья, будто от правильного выбора зависел исход сложного переговорного процесса. Желудок снова неприятно свело, и она закрыла шкаф, решив, что организм просто мстит за очередную ночь без нормального ужина.

— Ты выглядишь так, будто собираешься объявить войну холодильнику, — раздался из коридора голос Алексея, и в следующую секунду он появился в дверном проёме с влажными волосами и полотенцем на плече. — Только прошу тебя, оставь ему хотя бы дипломатический шанс.

Она повернулась к нему с той самой полуулыбкой, которую обычно использовала, когда не хотела отвечать на настоящий вопрос.

— Холодильник пока вне списка моих проблем, — сказала она, опираясь ладонью о край столешницы. — Сейчас меня больше интересует, почему я второй день подряд чувствую себя человеком, которого переехал очень маленький, но исключительно настойчивый грузовик.

Он внимательно посмотрел на неё, и улыбка у него исчезла быстрее, чем успела оформиться.

— Ты действительно плохо себя чувствуешь, — произнёс он уже без шутливой интонации. — Почему ты решила, что это просто усталость?

Она пожала плечами, хотя движение получилось слишком небрежным даже для неё.

— Потому что усталость намного удобнее, чем все остальные варианты, — ответила она. — Кроме того, у меня дедлайн, который способен убить даже совершенно здорового человека.

Он больше не улыбался, продолжая внимательно наблюдать за ней.

— Я собираюсь спросить, когда ты в последний раз нормально спала, — произнёс он после короткой паузы. — И почему ты уже несколько дней просыпаешься раньше будильника.

Она на секунду замолчала. Этого он тоже заметил. В последние дни она действительно просыпалась ещё до рассвета, лежала в темноте и пыталась понять, почему сердце бьётся быстрее обычного. Иногда ей казалось, что она слышит едва различимый ритм, похожий на далёкий электронный сигнал, но стоило открыть глаза, как комната возвращалась к привычной тишине. Она не рассказывала ему об этом. Не потому, что скрывала что-то важное. По крайней мере, так она убеждала себя до сегодняшнего вечера.

— Я просто слишком много думаю, — сказала она наконец. — Для писателя это считается профессиональным заболеванием.

Он посмотрел на неё ещё несколько секунд, а затем кивнул.

— Тогда хотя бы сегодня перестань работать, — произнёс он. — Утром решишь, что делать дальше.

Она хотела возразить, но вместо этого снова почувствовала тяжесть внизу живота, настолько слабую, что её легко можно было принять за случайное напряжение. Только на этот раз вместе с ощущением пришла мысль, которую она оттолкнула прежде, чем та успела обрести форму. Мысль вернулась через несколько секунд. Она вернулась уже без возможности притвориться, будто её не существует. Цикл действительно задерживался уже несколько дней. Сначала она не позволила себе испугаться. Она просто пересчитала дни. Затем пересчитала ещё раз. После этого достала телефон, открыла календарь и несколько минут смотрела на маленькие отметки, которые до этого казались совершенно незначительными. Её память, обычно безупречная в вопросах сроков, встреч, дедлайнов и чужих обещаний, вдруг отказалась сотрудничать.

Она резко закрыла календарь, словно могла этим остановить собственные мысли. Через минуту открыла снова. На этот раз цифры никуда не исчезли.

— Сейчас мне действительно необходимо выйти ненадолго, — сказала она, и собственный голос показался ей слишком спокойным.

Он заметно нахмурился, внимательно изучая её лицо.

— В такое время тебе действительно нужно ехать в аптеку?

Она мгновенно подняла взгляд.

— Нет, сегодня я поеду одна, без компании и лишних вопросов.

Ответ прозвучал слишком быстро. Он заметил и это.

— Ладно, — произнёс он после паузы. — Тогда хотя бы напиши, когда вернёшься.

Она кивнула, схватила куртку и вышла раньше, чем он успел задать следующий вопрос. На улице дождь стал холоднее. Воздух пах мокрым камнем, бензином и поздним городом, который продолжал жить по своим правилам, совершенно не подозревая, что для одного человека несколько минут назад привычное будущее перестало быть привычным. Она шла быстро, почти не замечая прохожих. Аптека находилась всего в двух кварталах, но дорога показалась ей длиннее обычного. Она старалась думать рационально, перебирала возможные причины задержки, вспоминала последние недели и каждый раз возвращалась к одному и тому же выводу, который ей не нравился. Она всё ещё могла ошибаться, и эта возможность казалась спасительной.

Пока существовала вероятность ошибки, существовала возможность отложить решение. В аптеке было почти пусто. За кассой сидела женщина средних лет, листавшая журнал, и подняла глаза только тогда, когда Лея подошла к стойке.

— Мне нужен обычный, но достаточно надёжный вариант, — попросила она, стараясь говорить буднично.

Фармацевт посмотрела на неё внимательно, без любопытства, которое могло бы показаться вмешательством.

— Вам один или два? — спросила она.

Этот вопрос оказался неожиданно трудным. Она вспомнила, сколько раз в работе оставляла себе запасной вариант, потому что одна версия никогда не казалась достаточно безопасной.

— Возьму два, чтобы потом не возвращаться сюда снова, — ответила она.

Через несколько минут она вышла из аптеки с маленьким непрозрачным пакетом в руке. Он оказался почти невесомым. И всё же ей казалось, будто она держит предмет, способный изменить направление всей её жизни. На обратном пути она не открывала телефон. Ей пришлось несколько сообщений, но она не стала смотреть, от кого именно. Одно из них, скорее всего, было от Лиоры, другое могло оказаться рабочим, третье — от него, и именно последнее предположение заставило её сильнее сжать пальцы вокруг ручки пакета. Она не хотела сейчас слышать его голос. Не потому, что боялась его реакции. Потому что боялась собственной. Дома

свет в гостиной всё ещё горел. Он сидел на краю дивана с телефоном в руке и поднял голову сразу, как только она вошла.

— Ты долго, — сказал он. — Всё действительно в порядке, или ты пытаешься убедить меня в обратном?

Она поставила пакет на стол.

— Да, всё в порядке, просто мне нужно немного времени.

Это прозвучало слишком коротко и слишком уверенно.

— Я просто задержалась в аптеке, — добавила она, снимая мокрую куртку. — Ничего серьёзного пока не произошло, так что не начинай волноваться.

Он посмотрел на пакет, затем снова на неё.

— Ты хочешь, чтобы я спросил?

Она выдохнула, собирая остатки привычного самообладания.

— Я хочу, чтобы ты пока ничего не спрашивал.

Он не стал спорить. В этом была одна из причин, по которым рядом с ним она иногда чувствовала себя в безопасности, и поэтому сейчас было особенно трудно смотреть ему в глаза. Он мог быть настойчивым, мог раздражать её своей внимательностью, мог спорить до последнего аргумента, но в важных вещах всегда оставлял ей пространство.

— Я не стану спрашивать, пока ты сама не захочешь говорить, — произнёс он.

Она кивнула и взяла пакет. В ванной она закрыла дверь, включила воду и несколько секунд стояла перед зеркалом, не открывая упаковку. Собственное отражение выглядело совершенно обычным: немного уставшие глаза, растрепавшиеся волосы, тёмная футболка, знакомая складка между бровями. В зеркале не было заметно никаких признаков надвигающейся катастрофы. Никаких признаков новой жизни. Никаких признаков того, что человек способен проснуться утром и обнаружить, что будущее уже успело измениться без его разрешения. Она осторожно разорвала упаковку и достала небольшой пластиковый тест. Дальше всё происходило слишком просто. Инструкция оказалась понятнее большинства договоров, которые ей приходилось подписывать за последние годы. Несколько действий, несколько минут ожидания, несколько символов, способных превратить привычную реальность в совершенно другую.

Она сделала всё, что требовалось, и положила тест на край раковины. Потом включила воду сильнее, хотя необходимости в этом не было. Она несколько минут молча ждала, стараясь не смотреть на раковину. Сначала старалась читать инструкцию. Потом перечитала её ещё раз. После этого начала считать плитки на стене. На четырнадцатой плитке её мысли снова вернулись к ноутбуку, к белой башне, к женщине, которая собиралась изменить одно правило мира. Она вдруг поняла, почему эта сцена так раздражала её вечером. Лея её романа хотела убрать случайность. Хотела сделать так, чтобы ничто важное не происходило без её согласия. Она усмехнулась собственному совпадению, но улыбка быстро исчезла.

На краю раковины появился второй символ. Она не заметила, в какой именно момент. Посмотрела — и увидела. Несколько секунд она не двигалась. Через несколько мгновений она всё-таки наклонилась ближе к краю раковины. Даже при ближайшем рассмотрении результат оставался совершенно прежним. Теперь она уже не могла списать увиденное на случайную ошибку. Она действительно была беременна, и это знание мгновенно изменило весь смысл происходящего. Беременна — это слово оказалось слишком большим для этой маленькой ванной комнаты. Она положила ладонь на край раковины. Первым пришло острое раздражение, почти детское и совершенно несправедливое. Раздражение на собственное тело за то, что оно посмело принять решение без неё.

Она на несколько секунд закрыла глаза, пытаясь вернуть мыслям привычный порядок. В памяти всплыл календарь, затем дедлайн, затем рукопись, затем фотографии квартир, которые она недавно сохраняла в отдельную папку, затем разговор о новом контракте, который соби-

ралась обсудить с Лиорой через несколько дней. Все планы, ещё недавно казавшиеся множеством дорог, вдруг сошлись в одной точке. Она открыла глаза и посмотрела на своё отражение.

— Только не сейчас, — произнесла она тихо, но в голосе не было просьбы. — Только не тогда, когда я наконец всё устроила.

Фраза повисла в воздухе. Она почти сразу поняла, насколько несправедливо прозвучала эта мысль. Не потому, что ребёнок был виноват. Потому, что она уже начала воспринимать его как изменение собственной жизни, прежде чем позволила себе подумать о нём как о человеке. От этого стало ещё страшнее. Она села на закрытую крышку унитаза и положила ладони на колени. Ей хотелось плакать, но слёз не было. Вместо них пришёл список. Работа оставалась первым пунктом, который требовал немедленного решения. Квартира тоже внезапно стала частью этого нового расчёта. Контракт теперь выглядел совершенно иначе, чем ещё час назад. Роды были слишком далёкой перспективой, чтобы сейчас позволить себе её осмыслить.

Деньги требовали отдельного расчёта, который она пока не могла закончить. Сроки уже начинали превращаться в цепочку неизвестных обстоятельств. Его реакцию она даже не пыталась представить до конца. Её родители наверняка зададут вопросы, на которые она пока не готова отвечать. Его родители тоже неизбежно появятся в этой новой системе координат. Свобода оставалась тем единственным пунктом, который нельзя было выразить цифрами. И наконец, в самом центре всего этого расчёта находилась она сама. Чего хотела именно она, если убрать все чужие ожидания и возможные последствия? Не как писательница, привыкшая превращать любую проблему в структуру. Не как человек, который умел составлять планы на несколько лет вперёд.

как женщина, которая впервые столкнулась с решением без готового сценария. Она прикрыла лицо ладонями и долго сидела неподвижно. Внутри не возникало ясного ответа. Только воспоминание о недавней мысли, которую она уже успела забыть среди рабочих дел: через год она хотела проснуться в другой квартире, возможно, даже в другом городе, открыть ноутбук и обнаружить на столе только те вещи, которые выбрала сама. Она собиралась поговорить с ним. Не сегодня. Не сейчас. Когда-нибудь, когда найдётся правильный момент. Она даже несколько раз представляла этот разговор, меняя слова, интонации и возможные ответы, будто репетировала сцену собственного романа.

Только теперь стало ясно, что никакой идеальной версии разговора не существует. За дверью ванной раздался тихий стук.

— Ты там слишком долго молчишь, и я начинаю всерьёз волноваться, — спросил он.

Она посмотрела на тест. Потом перевела взгляд на закрытую дверь.

— Я просто пытаюсь привести мысли в порядок, — ответила она. — Мне нужно ещё несколько минут.

За дверью наступила пауза.

— Я буду здесь, когда ты выйдешь. Никуда не уйду.

Эти слова почему-то оказались тяжелее всех остальных. Она посмотрела вниз, на собственные руки, и впервые за долгое время не знала, что делать дальше. Телефон завибрировал в кармане куртки, оставленной возле двери. Она достала его и увидела новое сообщение от Лиоры.

«Ты всё-таки сделала анализы?»

Она заметно нахмурилась после услышанного. Пальцы замерли над экраном. Потом пришло второе сообщение.

«Только не говори, что ты снова решила всё одна».

Она перечитала эти слова несколько раз. Лиора ничего не могла знать. Никто не мог знать. Она сама узнала об этом всего несколько минут назад. И всё же в следующую секунду в дверь ванной снова постучали, уже мягче, почти осторожно.

— Нам действительно нужно поговорить, — сказал он из-за двери. — Только теперь я не уверен, что понимаю, с чего начать.

Она подняла взгляд на зеркало. За её отражением ничего не происходило. Но где-то внутри привычной жизни уже появилась трещина, и она вдруг почувствовала, что самое страшное заключается вовсе не в том, что её планы изменились. Самое страшное было в другом: впервые решение, которое определяло её будущее, касалось не только её одной.

Глава 3. Разговор, который должен был случиться раньше

Самое трудное оказалось не выйти из ванной, а открыть дверь. Лея несколько минут сидела неподвижно, прислушиваясь к тишине за стеной и пытаясь собрать мысли в последовательность, которая хотя бы отдалённо напоминала план. В обычной жизни ей достаточно было нескольких минут, чтобы превратить любую проблему в список задач, расставить приоритеты и определить порядок действий. Даже самые неприятные обстоятельства становились терпимее, если их удавалось разложить на отдельные пункты. Сейчас пункты отказывались складываться. За дверью находился человек, которому она должна была сказать правду. Это пугало больше всего. Она осторожно убрала тест обратно в упаковку, спрятала её в непрозрачный пакет и только после этого выключила воду. В зеркале отражалась всё та же женщина, которая несколько часов назад спорила с собственной рукописью, раздражалась из-за кинзы и считала, что сможет закончить новый роман до конца месяца.

Теперь ей казалось почти абсурдным, что она могла всерьёз планировать ближайшие месяцы. Она открыла дверь. Он стоял возле окна, прислонившись плечом к стене, и держал в руке телефон, хотя по неподвижному экрану было понятно, что читать он давно перестал. Услышав движение, он поднял голову, но не сделал ни шага навстречу. Это было правильно. Он оставлял ей пространство. И от этого пространство между ними казалось ещё больше.

— Ты действительно хочешь поговорить сейчас? — спросил он, внимательно следя за её лицом. — Или тебе нужно ещё немного времени, чтобы понять, как именно ты собираешься это сказать?

Она едва заметно усмехнулась, хотя улыбка получилась скорее усталой, чем весёлой.

— Если я начну ждать правильного момента, разговор может никогда не состояться, — ответила она, проходя к дивану. — А я уже достаточно долго откладывала вещи, которые потом всё равно приходилось делать.

Он сел напротив, оставив между ними небольшое расстояние.

— Тогда рассказывай так, как получается, — произнёс он. — Не обязательно превращать это в идеально написанную сцену.

Она опустила взгляд на собственные руки. Ей захотелось пошутить. Шутка уже почти появилась, привычно готовая закрыть неловкость, но она впервые за вечер позволила ей остаться невысказанной.

— Я беременна, — произнесла она наконец.

Он не ответил сразу. В комнате не изменилось ничего, кроме того, как внезапно стал слышен дождь за окном. Вода барабанила по стеклу с прежней равномерностью, машины проезжали по мокрой дороге, где-то в соседнем доме закрыли окно, а холодильник на кухне тихо включился после долгой паузы. Мир продолжал существовать. Это показалось ей почти оскорбительным. Она ожидала чего-то другого: резкого движения, испуга, вопроса, даже злости. Вместо этого он просто сидел напротив и молчал, будто осторожно проверял каждое слово, которое мог произнести дальше.

— Ты уверена? — спросил он спустя несколько секунд.

Она коротко кивнула в ответ.

— Два теста, чтобы не оставлять себе удобной возможности объявить первый ошибкой.

Он провёл ладонью по лицу и на мгновение прикрыл глаза.

— Ладно, — произнёс он, но тут же покачал головой, словно понял, насколько бессмысленно прозвучало это слово. — Прости, это было ужасное начало разговора.

— Учитывая обстоятельства, я слышала варианты хуже.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты боишься?

Она собиралась ответить автоматически, но остановилась. Раньше она почти всегда знала, какую эмоцию следует выбрать для ответа, особенно когда разговор касался её самой. Теперь ни один привычный вариант не подходил полностью.

— Да, — призналась она. — Только дело не в том, чего ты сейчас, возможно, подумал.

Он не перебил.

— Я боюсь не ребёнка, — продолжила она после долгой паузы. — Я боюсь, что после этого моя жизнь перестанет принадлежать мне.

Он слегка нахмурился, однако не отвёл взгляда.

— Ты действительно думаешь, что ребёнок автоматически отнимает у тебя право решать?

— Я думаю, что после некоторых решений слишком многое начинает зависеть от других людей, — ответила она. — Врачей, родственников, работы, денег, расписаний, обстоятельств. А потом однажды обнаруживаешь, что собственная жизнь превратилась в комнату, где все остальные имеют ключ.

Он выдохнул.

— Ты говоришь так, будто уже прожила это.

Её пальцы сжались на краю диванной подушки. Фраза задела точнее, чем он мог предположить.

— Возможно, потому что однажды я уже была в ситуации, где важное решение приняли за меня, — сказала она после паузы. — И хуже всего было даже не само решение. Хуже оказалось то, что потом мне объяснили, почему я должна быть благодарна.

Он не стал спрашивать подробности. Это было одной из тех вещей, которые она ценила в нём сильнее, чем признавалась самой себе. Он умел оставлять закрытые двери закрытыми.

— Я не хочу решать за тебя, — произнёс он.

Она подняла взгляд на него.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

В этих словах не было красивой декларации, и поэтому она поверила им больше, чем любому обещанию, которое можно было заранее подготовить. Он немного наклонился вперёд, положив предплечья на колени.

— Я хочу знать только одно, — продолжил он. — Что ты сама хочешь сделать?

Она почти рассмеялась. Не от веселья. От невозможности ответа.

— Вот этого я пока не знаю.

Она тут же заметила собственные слова и едва заметно поморщилась.

— Не исправляй меня, — добавила она. — Сегодня мне впервые разрешено не иметь готового ответа.

Он кивнул в ответ.

— Тогда не будем торопить ответ.

На несколько секунд между ними снова установилась тишина. Она ожидала вопросов о будущем, о сроках, о свадьбе, квартире, деньгах, родителях, работе и обо всём том, что люди обычно считают обязательным обсуждать в подобных обстоятельствах. Но он ничего этого не произнёс. Вместо этого спросил:

— Ты уже решила, что я должен делать?

Она подняла брови.

— Почему ты спрашиваешь это?

— Потому что ты умеешь принимать решения быстрее, чем успеваешь сообщить их людям.

Она хотела возмутиться, но не смогла. Он слишком хорошо её знал. И в этот момент она впервые заметила, насколько легко могла превратить даже его заботу в ещё одну систему правил, которую нужно контролировать.

— Нет, — сказала она. — Я ничего не решила за тебя.

— Хорошо, сделаем именно так.

— Но это не значит, что мне не страшно услышать твой ответ.

Он некоторое время молчал. Потом встал и подошёл к окну. За стеклом отражались огни машин, размытые дождём, и в этих отражениях его фигура казалась почти чужой. Она вдруг вспомнила все вечера, когда он возвращался домой позже неё, ставил ключи на одно и то же место и спрашивал, как прошёл день, хотя прекрасно видел по её лицу, что день прошёл плохо. Он всегда замечал её усталость раньше неё. Всегда покупал еду, когда она забывала поесть. Всегда оставлял ей последний кусок десерта, хотя сам утверждал, что просто не хотел сладкого. Она никогда не считала эти вещи доказательствами любви. Теперь они вдруг стали чем-то гораздо более тяжёлым.

— Я люблю тебя, — произнёс он, не поворачиваясь. — И это не меняется из-за того, что сегодня ты принесла домой две полоски.

Она прикрыла глаза. Ей хотелось услышать именно эти слова. И одновременно они испугали её сильнее, чем молчание.

— Не говори это так, будто всё уже решено, — попросила она.

Он повернулся.

— Я говорю это не как решение.

— Тогда зачем?

— Потому что ты должна знать, что твой выбор не будет для меня неожиданностью.

Она посмотрела на него, пытаясь понять, что именно скрывается за этой фразой.

— Ты хочешь ребёнка?

Вопрос оказался слишком прямым. Он не ответил мгновенно. Вместо этого опустил взгляд, словно впервые позволил себе не подбирать правильную формулировку.

— Я хочу тебя, — сказал он наконец. — А всё остальное мне придётся научиться принимать вместе с тобой.

Она выдохнула. Это был не тот ответ, которого она ожидала. И поэтому он оказался самым трудным. Она встала и подошла к окну, остановившись рядом с ним. Некоторое время они смотрели на дождливую улицу, не касаясь друг друга.

— Я думала уйти, — призналась она.

Он повернул голову.

— От меня?

— Не совсем.

Она сглотнула.

— Я собиралась поговорить с Лиорой о новом контракте, потом посмотреть квартиру в другом районе, а дальше решить, насколько долго я хочу оставаться здесь. Мне казалось, что если изменить всё достаточно быстро, то никто не успеет принять решение вместо меня.

Он не перебил.

— Я даже не знала, как сказать тебе, — продолжила она. — Не потому, что не доверяла. Скорее наоборот. Потому что знала: если скажу, ты захочешь остаться.

Он долго смотрел на неё.

— А тебе хотелось, чтобы я ушёл?

Она замолчала. Вопрос оказался больнее, чем следовало.

— Мне хотелось, чтобы возможность выбора осталась у меня, — произнесла она наконец. — Иногда это не одно и то же.

Он кивнул, но в его лице появилось что-то такое, чего она раньше не видела. Не злость. Не обида. Скорее тихая усталость человека, который услышал правду и теперь должен решить, что с ней делать.

— Тогда скажи мне одну вещь, — произнёс он. — Ты хотела уйти от меня или хотела уйти первой, чтобы потом никто не смог уйти от тебя?

Она резко повернула голову. Он смотрел прямо на неё. Без обвинения. Без попытки выиграть спор. И от этого вопрос оказался почти невыносимым. Она открыла рот, но слова не появились. Потому что впервые за весь вечер услышала не то, чего боялась, а то, что сама старалась не замечать. Возможно, она действительно собиралась уйти не потому, что разлюбила. Возможно, она собиралась уйти потому, что не хотела однажды оказаться человеком, которого оставили без права решать. Он сделал шаг ближе, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Я не буду удерживать тебя, — сказал он. — Но и делать вид, будто мне всё равно, тоже не стану.

Она посмотрела на его руку. Всего несколько сантиметров отделяли её пальцы от его ладони. Ей хотелось прикоснуться. Вместо этого она убрала руки за спину.

— Мне нужно время.

— Пусть будет так.

— И мне нужно, чтобы никто не знал.

Он нахмурился.

— Лиора?

— Пока даже она.

— Тогда я никому не скажу.

Она наконец посмотрела ему в глаза.

— Ты обещаешь?

— Я обещаю не рассказывать без твоего разрешения.

Впервые за вечер ей стало немного легче. Она не знала, что будет завтра. Не знала, останется ли в этой квартире через месяц. Не знала, сможет ли продолжить писать так же, как прежде, и не знала, каким станет её отношение к собственному телу, которое вдруг превратилось из привычной части жизни в источник вопросов. Но одно она знала точно. Сегодня он не пытался забрать у неё решение. И это сделало следующий момент настолько болезненным. На столе снова загорелся телефон. Она сначала не собиралась брать его, но световая поверхность продолжала светиться, отражаясь в тёмном стекле окна. Сообщение пришло с незнакомого номера. Она открыла его.

Внутри была всего одна строка.

«Если вы уже узнали о беременности, не садитесь за руль этой ночью».

Она перечитала сообщение несколько раз. Он заметил, как изменилось её лицо.

— Что там?

Она помолчала, прежде чем ответить. Внизу экрана появилось второе сообщение.

«Через двадцать минут произойдёт то, что уже нельзя будет отменить».

Она подняла глаза. За окном дождь усилился. А затем из телефона донёсся тот самый короткий электронный сигнал, который она слышала вечером возле ноутбука. На этот раз он повторился трижды. И сразу после третьего сигнала экран погас, хотя заряд аккумулятора показывал почти полный уровень.

Глава 4. Последняя дорога прежнего мира

Телефон погас, но ощущение от последнего сигнала осталось в комнате, будто звук не исчез вместе с экраном, а продолжил существовать где-то между стенами, внутри тишины и слишком напряжённого пространства между ними. Лея ещё несколько секунд держала телефон в руке, не сводя взгляда с чёрного экрана. На поверхности стекла отражалось её лицо, бледное и непривычно серьёзное, а за ним угадывался силуэт мужчины, который всё ещё стоял возле окна и явно пытался понять, почему обычное сообщение сумело так резко изменить выражение её глаз.

— Это был неизвестный номер? — спросил он после продолжительной паузы.

Она кивнула в ответ на слова.

— Сообщение исчезло вместе с телефоном, поэтому сейчас у меня нет ни номера, ни текста, который можно показать тебе.

Он протянул руку, но остановился, не коснувшись её.

— Тогда расскажи хотя бы, что там было.

Она посмотрела на погасший экран и почувствовала, как внутри снова поднимается то неприятное ощущение, которое возникло ещё вечером возле ноутбука. Не страх в привычном понимании, а скорее чувство несоответствия, будто несколько совершенно независимых вещей вдруг оказались связаны между собой тонкой нитью, которую она пока не могла увидеть.

— Мне написали, чтобы я сегодня не садилась за руль, — произнесла она наконец. — Потом появилось ещё одно сообщение о том, что через двадцать минут произойдёт нечто, чего уже нельзя будет отменить.

Он выпрямился.

— Ты собиралась куда-то ехать?

Она покачала головой.

— До этого не собиралась.

— Тогда почему тебе вообще написали?

— Вот это меня и беспокоит.

Он подошёл ближе, забрал у неё телефон и нажал кнопку включения. Экран оставался совершенно чёрным.

— Возможно, просто разрядился.

— Он был почти полностью заряжен.

— Тогда утром разберёмся.

Она взглянула на него.

— Почему утром?

Вопрос прозвучал резче, чем она хотела. Он внимательно посмотрел на неё, затем вернул телефон.

— Потому что сегодня ночью тебе нужно остаться дома.

Она почти сразу почувствовала раздражение. Это была знакомая реакция, почти автоматическая, возникавшая всякий раз, когда кто-то пытался изменить её решение прежде, чем она сама его приняла.

— Не начинай, пожалуйста.

— Я не начинаю спор.

— Так обычно начинается спор.

Он на мгновение прикрыл глаза, словно собирался сдержать ответ, который мог только ухудшить ситуацию.

— Тогда скажу иначе. После всего, что произошло сегодня, мне кажется разумным хотя бы одну ночь никуда не ехать и ничего не решать.

Она отвернулась к окну. Дождь становился сильнее. За стеклом город расплывался в светящихся пятнах, и знакомые улицы казались почти нереальными. Несколько машин медленно двигались по мокрой дороге, их фары превращались в длинные золотистые полосы, которые дрожали на поверхности луж.

— Мне нужно увидеть Лиору, — произнесла она.

Его брови сошлись.

— Зачем?

— Потому что я не могу провести всю ночь здесь и делать вид, будто всё нормально.

— А разве сейчас тебе действительно нужно обсуждать с ней работу?

Она не ответила сразу. Лиора была не только редактором. Она была человеком, которому Лея могла позвонить в три часа ночи, чтобы сообщить о провале главы, сорванной встрече или внезапном желании выбросить ноутбук в окно. Именно ей она доверяла рукописи до публикации, именно ей позволяла спорить с собой до хрипоты и именно от неё привыкла слышать правду тогда, когда сама предпочитала удобную версию событий. Но сегодня существовала ещё одна причина. Она хотела рассказать Лиоре о беременности. Не потому, что уже была готова услышать мнение подруги, а потому, что молчание внезапно стало почти физически тяжёлым.

— Мне нужно с ней поговорить, — повторила она.

Он некоторое время молчал.

— Тогда я отвезу тебя.

Она резко повернула голову.

— Об этом поговорим потом.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что мне нужно поговорить с ней самой.

— Я могу довезти тебя и подождать в машине.

— Это я и называю сопровождением.

Он усмехнулся, но в глазах не было веселья.

— После такого вечера ты действительно собираешься ехать одна?

Она ощутила, как вновь поднимается раздражение, но заставила себя остановиться. Он не контролировал её. Он боялся. Разница между этими двумя вещами была огромной, хотя иногда внешне они выглядели почти одинаково.

— Я ненадолго, — сказала она уже спокойнее. — Обещаю, что напишу, когда приеду.

Он хотел возразить, но не стал.

— Тогда хотя бы возьми мою куртку, — произнёс он. — Твоя промокнет за две минуты.

Она хотела отказаться, однако вместо этого позволила ему снять с крючка тёмную куртку и накинуть ей на плечи. Этот простой жест почему-то оказался тяжелее всего разговора. Он поправил воротник, задержал пальцы на ткани и тихо произнёс:

— Возвращайся.

Их взгляды встретились.

— Конечно.

Слово получилось слишком лёгким. Она сама это почувствовала. Возможно, поэтому он ничего больше не сказал. Дорога до квартиры Лиоры обычно занимала около пятнадцати минут, но в этот вечер город будто намеренно замедлял движение. Дождь усилился настолько, что дворники едва успевали очищать лобовое стекло, а свет встречных машин временами превращал дорогу в сплошное мерцание. Она включила навигатор, хотя прекрасно знала маршрут. Привычка. Когда мысли становились слишком громкими, ей нравилось видеть перед собой линию, которая заранее показывала, куда следует повернуть. Сегодня линия раздражала. Она ехала медленно, почти не превышая ограничение скорости, и несколько раз ловила себя на том, что машинально касается живота ладонью.

Движение было настолько естественным, что она заметила его только после третьего раза. Она убрала руку с живота и положила её на руль.

— Мы ещё ничего не решили, — пробормотала она, сама не понимая, обращается к себе или к тому, чьё существование пока было обозначено только двумя полосками на пластике.

Фраза прозвучала нелепо. Она чуть усмехнулась. Но улыбка исчезла, когда в колонках вдруг появился короткий электронный шум. Она нахмурилась и убавила громкость. Шум исчез. Через несколько секунд повторился. Три коротких сигнала. Она посмотрела на панель приборов. Никаких предупреждений. Никаких красных индикаторов. Ничего, что могло бы объяснить звук. Она выключила музыку. В салоне остался только шум дождя и мягкое урчание двигателя. На следующем перекрёстке загорелся красный свет. Она на мгновение остановилась перед дверью. На противоположной стороне улицы светилась вывеска круглосуточной аптеки, и это почему-то вернуло её к событиям нескольких часов назад. Маленький непрозрачный пакет, две полоски, собственное отражение в зеркале, голос за дверью ванной.

Она вспомнила вопрос, который он задал ей. Ты хотела уйти от меня или хотела уйти первой? Она до сих пор не знала ответа. Наверное, потому что оба варианта содержали слишком много правды. Свет сменился. Она нажала на педаль и продолжила движение. Телефон лежал рядом на пассажирском сиденье. Он внезапно включился. Экран загорелся настолько резко, что она вздрогнула. Новое сообщение отсутствовало. Вместо него на экране открылась заметка, которую она никогда не создавала. Всего одна строка.

«Не меняй то, чего ещё не потеряла».

Она резко отпустила педаль газа. Машина замедлилась. На секунду ей показалось, что она видит не экран телефона, а белую поверхность монитора, на которой вместо букв движутся тонкие светящиеся линии. Она медленно моргнула, пытаясь сосредоточиться. Телефон снова выглядел совершенно нормально. Открытым оставалось приложение заметок. Пустая страница. Никакой строки. Никакого сообщения. По её позвоночнику прошёл холод.

— Хватит, — произнесла она, крепче сжимая руль. — Сегодня уже достаточно совпадений.

Впереди дорога уходила под небольшой мост. Освещение там было слабее, чем на предыдущем участке, а вода уже собиралась вдоль обочины, превращая разметку в бледные отражения. Она снизила скорость. Всё происходило совершенно обычно. Поэтому следующий момент оказался таким страшным. Слева внезапно вспыхнул яркий свет. Она успела увидеть только белую полосу, пересекающую мокрую дорогу. Затем раздался резкий удар. Машину повело в сторону. Она попыталась выровнять руль, но колёса потеряли сцепление с покрытием, и автомобиль резко развернуло. Всё произошло настолько быстро, что мозг перестал успевать за происходящим. Сначала был звук. Металл, стекло, шины и дождь слились в один оглушительный грохот.

Потом появился свет. Белый, резкий, почти ослепляющий. Она услышала собственный крик, хотя не была уверена, что действительно закричала. Ремень безопасности болезненно врезался в грудь. Руль выскользнул из пальцев. Телефон упал на пол. На несколько мгновений перед глазами осталась только перевёрнутая улица, мокрый асфальт и размазанные огни. Она попыталась пошевелиться. Тело ответило не сразу. Сначала пришла боль в плече. Потом тупое давление в груди. Затем странная тяжесть в голове, будто кто-то медленно опускал над сознанием плотную завесу. Она вспомнила о ребёнке. Мысль возникла неожиданно ясно. Раньше она боялась потерять свободу. Теперь единственным желанием стало сохранить то, что ещё несколько часов назад казалось невозможным принять.

Она попыталась позвать на помощь. Голос не появился. Снаружи уже слышались шаги. Кто-то кричал, кто-то звонил в экстренную службу, где-то совсем рядом хлопнула дверь другой машины. Она снова попыталась поднять руку. Пальцы дрогнули. На полу рядом с телефоном мерцал экран. На нём снова появилась та же самая строка.

«Не меняй то, чего ещё не потеряла».

Она смотрела на неё, пока буквы постепенно расплывались. А потом сквозь шум дождя прорезался знакомый электронный ритм. Три сигнала. Между сигналами повисла короткая пауза. Ещё три. Она не понимала, откуда он доносится. Возможно, из телефона. Возможно, из разбитой панели. Возможно, совсем не с этой дороги. Последним, что она почувствовала, стало движение собственной ладони к животу. Она не успела понять, коснулась ли его. Белый свет снова разлился перед глазами, стирая мокрый город, разбитое стекло и человеческие голоса, а затем где-то совсем рядом появился ровный ритм, который продолжал звучать даже тогда, когда всё остальное исчезло.

Глава 5. Мир, которого не должно было существовать

Первым вернулся звук. Не боль, не память и даже не ощущение собственного тела, а ровный повторяющийся ритм, который возник где-то на границе сознания и постепенно становился громче. Он напоминал электронный сигнал, но между отдельными импульсами оставалось слишком много тишины, чтобы назвать его обычным прибором. Лея попыталась открыть глаза, однако веки казались тяжёлыми, словно были сделаны не из кожи, а из камня. Ритм повторился. Три коротких сигнала, затем длинная пауза. Ещё три. Где-то далеко существовал голос, приглушённый толщей воды или стекла. Женщина говорила быстро, затем другой голос ответил ей спокойнее, и отдельные слова растворились прежде, чем смогли обрести смысл.

Она попыталась пошевелить рукой. На этот раз тело откликнулось. Пальцы едва заметно согнулись, и вместе с этим движением вернулось ощущение холода. Холод лежал под спиной, пробирался через одежду и будто медленно вытягивал из неё остатки сна. Она снова попыталась открыть глаза. На этот раз получилось. Над ней находилось серое небо. Не потолок. Не больничные лампы. Не разбитое стекло автомобиля. Небо. Она несколько секунд просто смотрела вверх, не способная заставить сознание принять увиденное. Облака двигались слишком быстро, разрываясь над тёмными вершинами деревьев, а между ними пробивался холодный белый свет. Потом она вдохнула. Воздух оказался настолько чистым, что лёгкие болезненно сжались.

Она резко приподнялась и тут же пожалела об этом. Голову пронзила такая сильная боль, что перед глазами вспыхнули белые пятна. Она опустилась обратно на холодную землю, закрыла глаза и несколько раз медленно вдохнула, пока окружающий мир снова не перестал вращаться. В памяти вспыхнула дорога. Дождь. Фары. Удар. Ремень безопасности. Каменный диск лежал на полу. Строка, которой не должно было существовать.

«Не меняй то, чего ещё не потеряла».

Она открыла глаза снова. Каменного диска рядом уже не оказалось. Машины тоже. Вместо разбитого асфальта под ладонью оказалась влажная трава, а чуть дальше лежал слой тонкого снега. Она села. Перед ней простирался лес. Высокие хвойные деревья уходили вверх настолько далеко, что вершины терялись в сером тумане. Между стволами виднелись каменные выступы, покрытые мхом, а дальше начинался склон, уходящий к долине. Внизу блестела вода. Она сначала решила, что это озеро. Через несколько секунд поняла, что ошиблась. Это был огромный залив, окружённый горами. На противоположном берегу темнели стены города. Она замерла.

Город выглядел так, будто сошёл со страницы её рукописи. Каменные дома поднимались уступами по склону, узкие башни прорезали низкое небо, а над крышами тянулись тонкие струйки дыма. Дороги спускались к воде, соединяя кварталы мостами и лестницами. На самом высоком уступе стояла белая башня. Она узнала её сразу. Не потому, что когда-либо была там. Потому что сама её придумала. В груди возникло странное давление. Она поднялась на ноги, продолжая смотреть на город.

— Этого не может быть, — произнесла она, и собственный голос прозвучал непривычно тихо.

Ответом стал ветер. Он прошёл между деревьями, поднял с земли сухие листья и принёс запах дыма, хвои и чего-то ещё, чего она не могла сразу определить. Запах был знакомым. Слишком знакомым. Она сделала несколько шагов вперёд. На камне возле тропы была вырезана руна. Она на мгновение остановилась перед дверью. Знак существовал в её рукописи. Точно такой же. Она помнила его не как часть древней культуры, а как собственную выдумку, которую однажды нарисовала на полях блокнота, когда пыталась придумать письменность для

северных племён. Теперь этот символ был вырезан в камне. Настоящем камне. С глубокими следами инструмента. Она провела пальцами по бороздам.

Поверхность оказалась холодной. Шероховатой. Реальной. Она отдернула руку. Внутри всё ещё существовало рациональное объяснение. Сон. Галлюцинация. Последствие аварии. Потеря сознания. Любое из этих слов казалось предпочтительнее единственного вывода, который она пока не позволяла себе сформулировать. Она нащупала в кармане небольшой каменный диск, которого прежде там не было. Каменный диск оказался тёплым, словно долго лежал в человеческой ладони. По его краю проходили тонкие руны, не повреждённые ни одной трещиной. На поверхности диска проступило мягкое белое сияние. Сияние было ровным, будто внутри камня сохранялся запас чужого света. Она уставилась на цифры.

— Прекрасно, — пробормотала Лея. — Значит, теперь этот мир умеет подбрасывать мне ещё и очень убедительные артефакты.

Ни одного человеческого знака поблизости не обнаружилось. Даже привычное ощущение времени словно исчезло. Каменный диск не показывал дороги, но его свет медленно собирался в узор. Она провела пальцами по гладкой поверхности диска. Белое сияние несколько секунд дрожало, а затем на камне проступили тёмные линии, складываясь в незнакомую карту. Она заметно нахмурилась после услышанного. Линии начали складываться в изображение. Сначала появилась сеть корней. Затем ствол. Потом ветви. Она остановилась, не двигаясь. На камне возникло изображение дерева. Это было не изображение живого мира. Не карта. Скорее схема, похожая на те визуализации, которые она использовала во время работы над романом.

Она знала этот рисунок. Она сама его создала. Дерево должно было обозначать связь между девятью уровнями мира. Но среди девяти ветвей светились только восемь. Девятая ветвь оставалась пустой. Каменный диск дрогнул в её ладони. Три сигнала. Она сжала пальцы, и сияние на камне погасло. В лесу стало совершенно тихо. Настолько тихо, что она услышала собственное дыхание. Затем справа раздался хруст ветки. Она резко обернулась. Между деревьями никого не было. Она задержала дыхание. Ещё один звук. На этот раз ближе. Она отступила на шаг и автоматически подняла с земли тяжёлую ветку. Оружием её назвать было трудно, но другого варианта рядом не существовало.

Из тумана показался человек. Сначала она увидела только силуэт. Потом одежду. Тёмный плащ, высокий воротник, кожаный ремень через грудь, сапоги, покрытые грязью. Мужчина остановился в нескольких метрах от неё. Он был молод, однако лицо казалось старше из-за усталости, которая проступала в выражении глаз. На щеке виднелась свежая царапина, а возле левого виска темнела тонкая полоска крови. Он держал короткий клинок. Она крепче сжала ветку.

— Не приближайтесь, — произнесла она.

Мужчина поднял свободную руку, показывая, что не собирается нападать.

— Если бы я собирался причинить тебе вред, ты бы уже не успела поднять эту ветку.

Она прищурилась.

— Удивительно убедительный способ попросить меня не нервничать.

На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Ты разговариваешь слишком спокойно для человека, который только что проснулся посреди северного леса.

По позвоночнику прошёл неприятный холод.

— Откуда вы знаете, что я только что проснулась?

Он внимательно посмотрел на неё.

— По тому, как ты стоишь.

Она почти усмехнулась. Почти.

— А я уже надеялась на более мистическое объяснение.

Он опустил оружие, однако не убрал его.

— Меня зовут Кай Реннер.

Имя ничего ей не говорило. Это почему-то успокоило. Если бы перед ней появился персонаж, которого она помнила по собственному роману, происходящее стало бы слишком очевидным.

— Где я нахожусь? — спросила она.

Кай некоторое время молчал, будто решал, насколько странным будет ответ.

— На северной дороге Эйрдала.

Она ощутила, как всё внутри сжалось. Эйрдал. Название королевства. Её королевства. Она опустила ветку.

— Какой сейчас год?

Кай нахмурился.

— Ты спрашиваешь о годе?

— Именно.

— Если ты ударила голову, тебе лучше не идти дальше.

Она резко подняла взгляд.

— Ответьте на вопрос.

Он некоторое время смотрел на неё, затем назвал год. Она не узнала число. Никакого облегчения не пришло. Только ещё одна трещина в привычной реальности.

— А столица находится там? — спросила она, указывая на город.

Кай проследил за её рукой.

— Я понимаю.

Она снова посмотрела на башню. Белая башня. Северный уступ. Город, который она строила в голове месяцами.

— Мне нужно туда попасть.

— Тогда тебе повезло.

— Почему для тебя это так важно?

— Потому что я направляюсь туда же.

Она уже собиралась ответить, когда из глубины леса донёсся звук. Не человеческий. Сначала раздалось низкое гудение, затем земля под ногами едва заметно дрогнула. Кай мгновенно изменился. Улыбка исчезла. Он поднял клинок и встал немного впереди неё.

— Отойдите назад.

Она хотела возразить, но увидела выражение его лица. Это был не страх. Это была готовность.

— Что происходит? — спросила она.

— Сейчас узнаем.

Из-за деревьев появилась тень. Она двигалась слишком быстро для человека. Кай шагнул навстречу. Раздался металлический удар. Тень отступила. Теперь она увидела существо. Оно напоминало крупного зверя, но его тело было неправильным. Слишком длинные конечности, непропорционально узкая голова, кожа, покрытая тёмными прожилками, которые мерцали слабым синим светом. Она знала это существо. Не в реальности. В тексте. Она сама придумала его для сцены, которую так и не закончила. Кай бросился вперёд. Существо ударило лапой, и он едва успел уклониться. Клинок скользнул по его боку, оставив глубокий порез на ткани.

— Бесполезно! — крикнула она. — Целься ниже!

Он повернул голову.

— Что ты пытаешься мне сказать?

— Потому что у него слабое место под левым ребром.

Она сама не поняла, откуда знает это. Кай не стал задавать вопросов. Он изменил положение. Следующий удар пришёлся точно туда, куда она указала. Существо взревело. Звук ока-

зался настолько громким, что птицы сорвались с деревьев. Она отступила, закрывая уши. И в этот момент увидела то, чего не должно было быть. Под ногами существа на земле начали проступать тонкие светящиеся линии. Они расходились кругом. Почти такими же линиями она когда-то рисовала магические схемы в блокноте. Она знала, что произойдёт дальше. Не знала откуда. Просто знала.

— Кай, назад!

Он отступил. Земля под существом вспыхнула. Существо исчезло в ослепительном свете. Через несколько секунд лес снова стал тихим. Кай тяжело дышал, опираясь рукой о дерево. На его боку темнела кровь. Она сделала шаг к нему.

— Вам нужна помощь.

— Это царапина.

— По количеству крови ваш организм придерживается другой версии.

Он усмехнулся.

— Значит, всё-таки умеешь шутить.

Она уже хотела ответить, когда почувствовала резкую боль в голове. Мир качнулся. Перед глазами вспыхнули изображения. Белая больничная палата. Свет. Чужие руки. Светящаяся панель. Женский голос.

«Давление падает».

Она на миг опустила веки. Изображение постепенно исчезло перед ними. Но звук остался. Три коротких сигнала. Она открыла глаза и увидела перед собой Кая.

— Ты побледнела, — произнёс он. — Что произошло?

Она хотела ответить. Не успела. В глубине леса снова загорелись светящиеся линии. На этот раз они не исчезли. Они начали двигаться к ней. Она отступила. Кай поднял оружие.

— Не приближайся.

Но линии уже окружали её ноги. Свет поднимался по земле, переплетаясь вокруг корней деревьев, и в каждом новом узоре она узнавала собственные схемы. Те, которые никто здесь не должен был знать. Она смотрела на них, пока внутри не возникло совершенно невозможное ощущение. Будто мир не просто узнавал её. Будто он ждал, когда она вспомнит его.

Глава 6. Правила, которых никто не писал

Свет продолжал подниматься по земле, переплетаясь вокруг корней и камней, пока не сомкнулся тонким кольцом у её ног. Он не обжигал кожу, не причинял боли и всё же заставлял каждую мышцу тела оставаться напряжённой, словно организм раньше разума понял, что происходящее нельзя воспринимать как обычное природное явление. Кай стоял в нескольких шагах от неё, удерживая клинок в опущенной руке, однако теперь его внимание было сосредоточено не на лесу, а на светящихся линиях.

— Не двигайся резко, — произнёс он, внимательно следя за изменением узора. — Иногда граница реагирует на движение сильнее, чем на саму угрозу.

Она повернула голову.

— Ты сейчас действительно предлагаешь мне спокойно стоять внутри светящегося круга посреди леса, который несколько минут назад оказался местом из моей собственной книги?

Кай свёл брови.

— Я предлагаю тебе не делать того, что может привести к последствиям, которых мы пока не понимаем.

— Это звучит гораздо разумнее, чем твой предыдущий совет.

— Предыдущий совет был связан с существом, которое собиралось нас убить.

— Тогда признаю, что обстоятельства немного отличались.

Свет внезапно дрогнул. Она замолчала. Кай тоже перестал говорить. Линии под её ногами медленно перестроились, словно услышали разговор и теперь пытались отыскать новое положение. Несколько символов отделились от основного рисунка, поползли по земле и остановились возле её правой ноги. Она опустила взгляд. Знак выглядел знакомым. Не просто знакомым — родным. Она знала, где должна находиться каждая линия, хотя никогда не учила эту систему письма и не могла объяснить, откуда в памяти возникло такое ощущение. Она присела, коснулась пальцами земли и едва заметно провела по одной из светящихся линий. Свет исчез. Кай резко шагнул вперёд.

— Что ты сделала?

Она отдёргнула руку.

— Ничего намеренного.

— Тогда почему знак погас?

Она посмотрела на собственные пальцы. На коже не осталось следов.

— Возможно, он просто закончился.

— Магические знаки не заканчиваются от прикосновения.

Она подняла взгляд на него.

— Откуда такая уверенность?

Кай немного помолчал.

— Потому что я видел их раньше.

— Где это произошло раньше?

— На северной границе, возле мест, куда люди предпочитают не ходить.

Она внимательно изучала его лицо, пытаясь понять, говорит ли он правду. В его выражении не было попытки напугать её, однако осторожность появилась слишком быстро, словно он уже сталкивался с подобным явлением и предпочитал не вспоминать об этом вслух. Она снова посмотрела на землю. Теперь свет исчезал постепенно. Один символ за другим. Через несколько секунд от всей конструкции осталась только тонкая серебристая пыль, которая поднялась в воздух и растворилась между деревьями. Лес снова стал обычным. Если обычным можно было назвать лес, в котором несколько минут назад она встретила существо из собственной рукописи. Кай убрал клинок в ножны.

— Нам нужно уходить.

Она поднялась со своего места.

— Куда?

— В ближайшее поселение.

— А столица?

— До неё несколько дней пути, даже если дорога останется безопасной.

Она хотела возразить, но остановилась. Ей действительно требовалось место, где можно было согреться, получить воду и хотя бы на несколько часов перестать стоять посреди неизвестности. К тому же оставаться в лесу после появления существа, которое уже однажды напало, было бы откровенно глупо. Она оглянулась на склон. Город всё ещё виднелся далеко внизу. Белая башня возвышалась над крышами и казалась настолько знакомой, что от одного взгляда на неё внутри возникало неприятное давление. Она помнила эту башню. Не как человек, который однажды придумал её внешний вид. Она помнила её как место, в котором кто-то когда-то стоял рядом с ней. Но воспоминание исчезало раньше, чем успевало обрести лицо.

— Ты снова делаешь такое выражение, — заметил Кай.

Она повернулась к нему.

— Какое именно?

— Будто пытаешься вспомнить то, чего никогда не видела.

Она усмехнулась.

— Возможно, я просто слишком хорошо знаю архитектуру.

Кай не улыбнулся.

— Может быть. Но я не хочу превращать догадку в память.

Он произнёс это так, что она сразу поняла: он ей не поверил. И почему-то это оказалось не неприятно. Дорога через лес заняла несколько часов. Сначала она шла молча, стараясь запомнить окружающее пространство. Ей хотелось проверить собственное восприятие, убедиться, что каждая деталь действительно существует независимо от её ожиданий. Деревья имели разные оттенки коры. Камни лежали неровно. На ветках оставались следы снега. Птицы взлетали с земли, когда они проходили слишком близко. Всё было слишком сложным для обычной иллюзии. Она поймала себя на этой мысли и тут же отвергла её. Она не должна была искать простое объяснение там, где пока не существовало даже правильного вопроса.

Кай шёл впереди, периодически оглядываясь. Он двигался уверенно, не сверяясь с картой, хотя дорога несколько раз исчезала среди деревьев. Через некоторое время она заметила, что он начал хромать.

— Ты ранен сильнее, чем пытаешься показать.

Он продолжил идти.

— Царапина.

— Ты повторяешь это уже второй раз.

— Значит, формулировка достаточно надёжная.

Она ускорила шаг и поравнялась с ним.

— Остановись.

— Зачем?

— Потому что кровь уже добралась до сапога.

Он бросил взгляд вниз. Тёмное пятно действительно расплзлось по ткани.

— Это неприятно, но не смертельно.

— Я не спрашивала о степени смертельности.

Кай усмехнулся.

— Тогда что именно ты предлагаешь?

Она посмотрела на рану. Кровь продолжала стекать по боку, а под порванной тканью виднелась глубокая царапина. Она не знала, почему вдруг подумала о тепле. Не о медицинской

помощи. Не о лекарстве. Именно о тепле. Она вспомнила зимние вечера в квартире, настольную лампу, горячую чашку в ладонях, тепло человеческого тела рядом. Она представила, как кровь останавливается. Ничего больше. Просто перестаёт течь. Внутри ладоней возникло ощущение жара. Она вздрогнула. Кай мгновенно отступил на шаг.

— Что это было?

Она посмотрела на свои руки. Между пальцами мерцал слабый золотистый свет. Он был настолько мягким, что почти не освещал окружающий лес.

— Похоже, я нашла ещё одну проблему.

Кай внимательно смотрел на её ладони.

— Это не проблема.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто увидел пожар?

Он ничего не ответил. Она снова посмотрела на рану. Свет усилился. Внутри возникло странное сопротивление, словно какая-то часть сознания требовала концентрации. Она собрала внимание в одной точке и представила, что кожа соединяется, кровь останавливается, боль становится слабее. На этот раз мир подчинился. Рана начала затягиваться. Не мгновенно. Сначала исчезла кровь. Потом края повреждения медленно сошлись. Кожа восстановилась настолько быстро, что она отдёрнула руку, испугавшись собственного результата. Кай стоял неподвижно. Она перевела взгляд на его лицо.

— Ты сейчас собираешься сказать, что такого не бывает?

— Это я собирался сказать.

— Тогда можешь не тратить время.

Он посмотрел на уже почти исчезнувшую рану.

— Кто тебя этому научил?

Она хотела ответить привычной шуткой. Но не смогла.

— Никто.

Кай несколько секунд молчал.

— Тогда кто научил тебя думать так?

Этот вопрос оказался гораздо сложнее. Она посмотрела на собственную ладонь. Тёплый свет постепенно угасал.

— Возможно, я сама.

На его лице появилось напряжение.

— Магия так не работает.

— А как она работает?

— Для начала человек должен знать, чего именно просит.

Она посмотрела ему в лицо.

— Тогда, возможно, у меня преимущество.

— Какое?

Она посмотрела на лес. Потом на свою руку.

— Я всю жизнь занимаюсь тем, что сначала представляю результат, а потом заставляю слова привести к нему всё остальное.

Кай некоторое время изучал её лицо.

— Ты говоришь о письме.

— О письме, планах, работе, людях, собственных ошибках и обо всём, что ещё можно исправить, если достаточно долго не сдаваться.

Он едва заметно усмехнулся.

— Тогда этот мир тебе действительно подходит.

Она хотела спросить, почему именно, но в этот момент почувствовала резкое головокружение. Лес качнулся. Свет в ладонях погас. Она пошатнулась. Кай успел схватить её за локоть.

— Вот теперь начинается цена.

Она выпрямилась.

— Какая ещё цена?

— За то, что ты сделала.

— Я просто остановила кровь.

— Ты заставила тело изменить себя.

Она посмотрела на руку.

— И что теперь?

— Теперь тебе нужно отдыхать.

Она хотела возразить, но почувствовала тяжесть в голове и поняла, что он прав. Слишком сильное желание что-либо исправить внезапно стало физическим ощущением. Будто разум сопротивлялся собственному приказу. Она присела на ближайший камень. Кай остался рядом, однако больше не пытался поддерживать её.

— Получается, магия требует концентрации, — произнесла она после короткой паузы.

— В основном.

— А ещё истощает.

— Да, я согласна с тобой.

— И чем сложнее изменение, тем сильнее последствия.

— Ты быстро учишься.

Она подняла взгляд на него.

— Мне нужно знать правила.

— Зачем?

— Потому что я не люблю пользоваться системой, которой не понимаю.

Кай усмехнулся.

— Тогда у тебя впереди много неприятных открытий.

Она посмотрела на него с лёгким раздражением.

— Можешь хотя бы иногда отвечать нормально?

— Могу, но тогда ты начнёшь скучать.

Она неожиданно рассмеялась. Это был первый настоящий смех после аварии. Он оказался коротким, немного хриплым, но от него внутри стало легче. Она вдруг поняла, что впервые после пробуждения не пытается немедленно вернуть прежнюю жизнь. Она просто сидит посреди чужого леса и разговаривает с человеком, которого встретила несколько часов назад. И ей действительно интересно, что произойдёт дальше. К вечеру лес начал редеть. Между деревьями показалась дорога, а ещё дальше — несколько деревянных домов, сложенных вокруг небольшого каменного колодца. Поселение оказалось меньше, чем она ожидала. Несколько домов имели соломенные крыши, возле одного стояли нагруженные телеги, а на краю площади горел большой очаг, вокруг которого собирались люди.

Она на мгновение остановилась перед дверью. Всё выглядело настолько естественно, что впервые позволила себе поверить в происходящее. Не в сон. Не в галлюцинацию. В мир. Мир, который жил без неё. Это ощущение оказалось неожиданно важным. Если всё вокруг существовало самостоятельно, значит, она не просто придумала декорации. Здесь были люди. У них были дома. У них были дороги. У них были болезни, голод, страхи, привычки и причины просыпаться каждое утро. Она посмотрела на Кая.

— Почему здесь так тихо?

Он замедлил шаг.

— Потому что сегодня хороший день.

— Для кого?

Кай не ответил. Он только посмотрел в сторону площади. Там женщина выносила из дома пустую корзину. Мужчина сидел возле стены и держался за плечо. Двое детей стояли возле очага, однако не пытались приблизиться к нему. Она заметно нахмурилась после услышанного.

— Они голодны.

— Говори дальше.

— А ты говоришь, что день хороший.

— Вчера здесь было хуже.

Она ничего не ответила. Эти слова легли внутри тяжёлым камнем. Она вдруг поняла, что перед ней находится не мир для красивой истории. Это был мир с последствиями. Мир, который нельзя будет исправить одной удачной фразой. Она посмотрела на людей ещё раз. Потом опустила взгляд на собственные руки. В ладонях больше не было света. Однако теперь она знала, что он там существует. И впервые её испугала не сама магия. Её испугала мысль о том, что однажды она может решить, будто имеет право исправлять всё, что увидит. Издалека донёсся едва различимый звук. Три коротких сигнала. Она подняла голову. На этот раз звук услышала не только она. Кай тоже замер.

В центре площади один из детей повернулся к ней. И совершенно неожиданно улыбнулся.

— Ты вернулась, — произнесла девочка.

Она застыла. Кай резко посмотрел на ребёнка. Девочка продолжала улыбаться, будто ничего необычного не сказала.

— Мы раньше встречались? — спросила Лея, стараясь сохранить спокойствие.

Девочка наклонила голову, словно вопрос показался ей непонятным.

— Сегодня ты снова выглядишь иначе.

По её позвоночнику прошёл холод.

— Что значит «снова»?

Девочка уже собиралась ответить, когда её взгляд внезапно переместился куда-то за плечо Леи. Улыбка исчезла. На площади стало тихо. А затем из-за домов донёсся колокольный удар, и все жители одновременно повернули головы в одну сторону, словно слышали приказ, которого она пока не могла различить.

Глава 7. Когда мысль становится приказом

Колокол ударил еще раз, и этот звук прокатился над деревней так, будто кто-то провел тяжелым железом по внутренней стороне неба. Последний удар долго не растворялся среди крыш, леса и темных склонов, а продолжал жить в воздухе едва различимой вибрацией, от которой у нее снова заломило виски. Люди, стоявшие у домов, почти одновременно повернули головы в сторону северной дороги. Даже дети, до этого прятаясь за спинами взрослых, перестали шептаться и замерли возле порогов. Она почувствовала, как ладонь Кая легла на рукоять меча. Движение получилось настолько естественным, что сначала она даже не придала ему значения. Затем капитан слегка развернулся, закрывая ее собой от дороги, и в его позе появилось то напряжение, которое она уже успела научиться узнавать. Это было не любопытство и не настороженность человека, ожидающего неприятностей. Так человек встречал опасность, о которой уже имел представление.

— Нам следует уйти отсюда до следующего удара, — произнес Кай негромко, не сводя внимания с темной полосы между деревьями. — Здесь люди слишком быстро прячутся, когда еще никто не объяснил причину.

Она хотела спросить, что именно он заметил, однако вопрос неожиданно потерял смысл. В глубине сознания возникло другое ощущение, почти физическое, словно кто-то невидимый коснулся пальцами пространства за ее лбом. Вместе с этим прикосновением пришло короткое, совершенно ясное желание. Чтобы колокол замолчал. Она едва успела осознать эту мысль, как третий удар оборвался на середине звука. Деревня погрузилась в такую тишину, что стало слышно, как ветер перебирает сухую солому на крышах. Несколько человек подняли лица к колокольне. Один старик перекрестился каким-то местным жестом, которого она никогда прежде не видела, а молодая женщина крепче прижала ребенка к груди. Кай повернул голову в ее сторону.

Она ничего не сделала. По крайней мере, так ей хотелось считать.

— Ты слышала, как оборвался колокол? — спросил он после короткой паузы.

— Я слышала его начало, а потом подумала, что хочу тишины, — ответила она, и собственные слова прозвучали для нее неприятно убедительно.

Кай несколько мгновений молчал. В его лице не появилось ни насмешки, ни испуга, однако взгляд стал внимательнее, будто он пытался различить за обычным признанием нечто гораздо более опасное.

— Тогда больше ни о чем не думай, — произнес он наконец.

Эта фраза показалась ей настолько нелепой, что почти вернула прежнее ощущение реальности. Мысль невозможно было выключить по приказу, особенно после аварии, пробуждения в чужом лесу, существ из собственных рукописей и символов, которые исчезали под пальцами. Однако в этот момент она впервые поняла, что здесь мысль могла оказаться не просто внутренним движением сознания. Мысль могла стать приказом. Она попыталась проверить это самым осторожным способом, какой только смогла придумать. Взгляд остановился на маленьком огоньке, горевшем внутри глиняной чаши возле ближайшего дома. Пламя колебалось от ветра, иногда почти исчезая за краем фитиля. Она сосредоточилась на тепле, которое хотела почувствовать, но ничего не произошло. Тогда она представила, что огонь становится выше.

Пламя поднялось. Не резко и не настолько, чтобы кто-нибудь сразу заметил перемену, однако оно действительно вытянулось вверх тонким золотистым языком. Она мгновенно отступила от собственной мысли, и огонь вернулся к прежней высоте. Кай увидел это. Она поняла по тому, как изменилось его дыхание.

— Не повторяй, — произнес он очень тихо. — Что бы ты сейчас ни собиралась проверить, оставь это внутри головы.

Она резко повернулась к нему, чувствуя, как раздражение смешивается с тревогой. Ей не нравилось, когда кто-то пытался распоряжаться ее действиями, особенно после того, как весь последний день состоял из событий, отнявших у нее возможность понимать собственную жизнь.

— Ты сам только что сказал мне не думать, хотя прекрасно понимаешь, что это невозможно, — возразила она. — Поэтому объясни мне хотя бы одно правило, которое здесь действительно работает.

Кай задержал на ней взгляд, затем медленно убрал руку с рукояти меча.

— Первое правило заключается в том, что этот мир любит отвечать тем, кто уверен в собственных намерениях. Второе правило заключается в том, что он иногда отвечает не тому человеку, который произнес намерение вслух.

По её позвоночнику прошёл холод.

— А третье правило существует?

— Оно появляется обычно тогда, когда первые два уже перестают помогать.

Ответ прозвучал почти спокойно, однако именно спокойствие сделало его тревожнее. Кай не выглядел человеком, который пытается напугать спутницу ради предосторожности. Скорее, он подбирал слова для чего-то, чему сам пока не хотел давать определенного названия. В этот момент возле северной дороги раздался хруст. Все произошло слишком быстро. Из леса показалась тень, затем вторая, а вслед за ними над нижними ветвями вспыхнуло тусклое зеленоватое свечение. Оно двигалось между стволами рывками, будто кто-то нес фонарь, которому не хватало устойчивого огня. Жители деревни начали закрывать ставни. Несколько мужчин схватили копья, лежавшие возле стен, но никто не вышел навстречу приближающемуся.

Кай вытащил меч. Она ощутила знакомое напряжение внутри головы, словно невидимая нить натянулась между ней и происходящим. На этот раз ощущение пришло раньше мысли. Пространство перед ней будто стало чуть мягче, податливее, а каждый звук приобрел отчетливые границы. Затем из леса донесся голос. Он был женским.

— Не открывайте ворота.

Слова прозвучали далеко, хотя человек находился совсем близко. Голос будто шел одновременно из леса, от колокольни и из-под земли. Она почувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Кто это? — спросила она.

Кай не ответил. Женщина вышла из-за деревьев. На ней был длинный серый плащ, мокрый от снега, хотя снег в лесу почти не шел. Волосы прилипли к лицу, а на шее виднелась тонкая полоса темной краски, похожая на незнакомый знак. Она двигалась медленно, однако ни один шаг не оставлял следа на земле. Когда женщина приблизилась к воротам, деревенские жители отступили. Она подняла лицо. И посмотрела прямо на нее.

— Опять слишком рано, — произнесла незнакомка.

Внутри ее головы что-то болезненно щелкнуло. Перед глазами вспыхнул белый свет. На мгновение деревня исчезла. Вместо нее возникло помещение с гладкими стенами, холодным металлическим блеском и узкой полосой света над головой. Где-то рядом монотонно повторялся ритм, слишком ровный для человеческого сердца. Она попыталась повернуться к источнику звука, но увидела лишь собственную ладонь, лежащую на чем-то неподвижном и холодном. Затем видение исчезло. Она пошатнулась. Кай успел подхватить ее за плечо, но прикосновение лишь сильнее вернуло боль. В висках будто разгорался огонь, а вместе с болью возникло другое чувство — чужая мысль, настолько отчетливая, что она едва не приняла ее за собственную.

Не подпускай ее. Она резко подняла голову. Женщина за воротами все еще стояла неподвижно. Кай крепче сжал ее плечо.

— Отойди от ворот, — приказал он.

Она хотела послушаться. Но мысль уже успела сформироваться. Пусть ворота закроются. Деревянные створки с грохотом захлопнулись сами. Люди вскрикнули. Кай отступил на шаг и впервые за все время позволил себе открытое изумление. Она же смотрела на собственные руки, не понимая, почему сердце бьется так сильно. Ей казалось, что она только что случайно дернула за невидимую веревку, даже не зная, где находится другой конец. За воротами женщина рассмеялась. Смех оказался негромким, почти ласковым.

— Вот теперь начинается настоящее, — произнесла она.

Ворота дрогнули. На древесине один за другим проступили светящиеся знаки, знакомые ей до боли. Она узнала каждый. Она сама придумала эти знаки. И последний из них складывался в слово, которого она никогда не записывала ни в одной своей рукописи. Вернись.

Глава 8. Те, кто помнит больше

Слово на воротах продолжало светиться, хотя женщина за ними уже исчезла из поля зрения. Тонкие линии, складывавшиеся в незнакомое ей прежде «вернись», пульсировали с таким ровным ритмом, что постепенно начинали напоминать биение живого сердца. Она не могла отвести взгляд от этих знаков, потому что в их очертаниях было что-то мучительно знакомое, почти родное, хотя ни один символ не принадлежал ни одной из известных ей систем письма. Кай стоял рядом, держа меч наготове.

— Не прикасайся к этим знакам, — предупредил он, и в его голосе впервые появилась усталость человека, которому слишком часто приходилось наблюдать чужие ошибки.

Она едва заметно нахмурилась.

— После всего случившегося ты действительно считаешь, что прикосновение является моей главной проблемой?

Кай повернул к ней лицо, и уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Сейчас я считаю главной проблемой твое желание проверять каждую опасность собственными руками.

Несмотря на холод и тревогу, у нее вырвался короткий смешок. Он оказался настолько неожиданным, что несколько жителей деревни тоже подняли головы. На несколько мгновений напряжение ослабло, словно кто-то позволил всем присутствующим сделать первый нормальный вдох за последние минуты. Потом за воротами раздался тяжелый удар. Деревянные створки содрогнулись. Люди снова замолчали. Второй удар оказался сильнее первого, однако знаки на воротах вспыхнули и погасили его почти беззвучно. Дерево осталось целым, а светящиеся линии после этого стали бледнее. Она почувствовала, как внутри головы снова возникает знакомое давление, будто чужая сила пыталась добраться до самой мысли.

На этот раз она не сопротивлялась. Она просто представила тишину. И удар прекратился. Кай выдохнул.

— Ты начинаешь понимать механизм, — произнес он.

— Я начинаю бояться собственного воображения, — ответила она, глядя на ворота. — Это гораздо менее вдохновляющий навык.

— Вдохновение обычно приходит после того, как человек переживает последствия.

— Ты удивительно умеешь поддерживать людей.

Кай наконец позволил себе улыбнуться.

— Поэтому меня редко приглашают на праздники.

Смех, прозвучавший где-то среди жителей, оказался почти неловким, но именно он окончательно разорвал неподвижность. Несколько человек заговорили между собой, кто-то начал закрывать ставни, а пожилая женщина возле соседнего дома даже бросила в их сторону раздраженный взгляд, будто происходившее было не первым сверхъестественным событием за последнее десятилетие, а обычной неприятностью, которую гости устроили слишком поздно вечером. Через несколько минут староста деревни пригласил их внутрь самого большого дома. Помещение оказалось значительно теплее улицы. Вдоль стен стояли деревянные лавки, над очагом висели пучки сушеных трав, а на столе уже появились миски с густой похлебкой. Она сначала подумала, что еда предназначалась для жителей, однако староста молча поставил перед ней глубокую деревянную чашу.

— После такого вечера человеку положено сначала согреться, — объяснил он.

Она взяла ложку.

— А потом положено выяснить, почему на ваших воротах появляются мои символы?

Староста не ответил сразу. Его взгляд скользнул к Каю, затем задержался на ней.

— Здесь слишком много вопросов, которые лучше задавать после еды.

— Это правило вашей деревни?

— Это правило любого места, где людям приходилось переживать долгие зимы.

Она не стала спорить. Похлебка оказалась простой, густой и удивительно вкусной. В ней были корнеплоды, крупа, немного мяса и пряные травы, запах которых напомнил ей о доме настолько неожиданно, что на несколько секунд стало трудно дышать. Она не понимала, почему обычная горячая еда вызывает такую сильную реакцию, но решила не искать объяснение каждому ощущению. Кай ел молча. Она заметила, что капитан время от времени поглядывает на окна.

— Если ты продолжишь так следить за стеклом, оно начнет нервничать, — заметила она.

— Стекло переживет мое внимание.

— Тогда тебе следует чаще доверять окружающим предметам.

— Я доверяю предметам значительно больше, чем людям.

Она подняла брови.

— Наконец-то нашелся человек, который способен спорить со мной на моей территории.

Кай чуть склонил голову.

— Я заметил это еще в лесу.

Она снова улыбнулась. Тепло постепенно возвращалось в пальцы, а вместе с ним появлялось странное ощущение безопасности, которому она не хотела давать слишком много свободы. После всего произошедшего спокойствие казалось ловушкой. Любая тишина здесь могла оказаться только паузой перед следующим ударом. Поэтому она услышала шаги раньше остальных. Дверь распахнулась. В помещение вошла молодая женщина с дорожной сумкой через плечо. На ней был темный шерстяной плащ, испачканный снегом и дорожной грязью. Ее светлые волосы были собраны на затылке, а на поясе висел небольшой кожаный футляр с лекарственными травами. За ней появился худощавый юноша, который держал под мышкой несколько свитков.

Он едва переступил порог, как споткнулся о собственный сапог. Свитки рассыпались по полу.

— Прекрасное начало, — пробормотал он, собирая пергаменты. — Именно таким образом обычно встречают людей, от которых ждут серьезных исследований.

Женщина устало прикрыла глаза.

— Эрен, ты можешь хотя бы один вечер прожить без попытки доказать окружающим, что ученые тоже способны падать?

— Могу, однако тогда никто не оценит редкость подобного события.

Она невольно улыбнулась. Юноша поднял голову и впервые увидел ее. На несколько мгновений выражение его лица изменилось. Это было совсем небольшое движение, почти незаметное, но она успела его уловить. Эрен будто узнал ее раньше, чем должен был. Не имя, не лицо, а сам факт ее присутствия. Он быстро собрал оставшиеся свитки.

— Простите за беспорядок, — произнес он уже спокойнее. — Меня зовут Эрен Вальд.

— Мира Эстель, — представилась женщина рядом с ним. — Я занимаюсь лечением людей, когда Эрен не пытается лечить их собственными теориями.

— Мои теории никого не лечат, — возразил он. — Они только объясняют причины.

— Это меня и беспокоит.

Их перепалка была настолько привычной, что она почти сразу почувствовала себя лишней в уже существующей маленькой компании. Мира поставила сумку на пол, подошла к очагу и протянула ладони к огню. Эрен тем временем раскрыл один из своих свитков.

— Нас вызвал староста, — объяснил он. — Он сообщил, что здесь появилась незнакомая женщина, после чего деревенские защитные знаки изменили форму.

Она поставила ложку на край чаши.

— Вы называете это защитными знаками?

Эрен поднял взгляд на неё.

— Иногда.

— Что значит «иногда»?

— Это значит, что мы пока не выяснили, защищают они людей или удерживают что-то снаружи.

Мира бросила на него предупреждающий взгляд.

— Ты умеешь выбирать самые успокаивающие формулировки.

— Я стараюсь быть точным.

— Иногда точность требует человечности.

Эрен чуть пожал плечами. Она вдруг почувствовала странное облегчение. Эти двое спорили так естественно, будто знали друг друга много лет. В их присутствии не было той торжественной серьезности, которой здесь обычно сопровождалось каждое упоминание магии. Они могли обсуждать опасные вещи и одновременно спорить о том, кто должен был взять с собой больше хлеба.

— Ты тоже считаешь, что эти знаки связаны со мной? — спросила она.

Эрен замер. Мира тоже перестала двигаться. Ответ пришел не сразу.

— Да, — произнес Эрен наконец.

Она внимательно наблюдала за ним.

— Откуда такая уверенность?

Эрен медленно свернул свиток.

— Потому что они изменились после твоего появления.

— Это объяснение подходит только для человека, который не видел предыдущих знаков.

— Предыдущих?

Она ощутила: внутри что-то оборвалось. Кай мгновенно повернул голову к Эрену. Мира едва заметно нахмурилась. Эрен понял, что сказал больше, чем собирался.

— В деревне уже были похожие символы, — уточнил он. — Только раньше они никогда не светились.

Это звучало правдоподобно. Почти. Она не стала продолжать расспросы, хотя ощущение несостыковки осталось. Мира тем временем подошла к ней и внимательно посмотрела на ее руки.

— Покажи ладонь.

— Зачем?

— Потому что ты выглядишь так, будто недавно получила сильную нагрузку.

Она хотела возразить, но заметила выражение лица Миры. В нем не было ни любопытства, ни страха, только профессиональное внимание. Она протянула руку. Мира осторожно коснулась ее запястья. В тот же момент девушка резко отдернула пальцы.

— Что случилось?

Мира не ответила. На ее лице появилось выражение, которое Лея уже видела сегодня у Кая, только теперь оно было гораздо глубже. Будто Мира услышала внутри нее нечто, чего слышать не должна была.

— Твое тело реагирует иначе, — произнесла она наконец.

— Чем отличается моя реакция?

Мира заметно нахмурилась после этих слов.

— От обычной человеческой.

Кай резко поднялся. Эрен тоже отложил свиток. Однако Мира сразу подняла ладонь, останавливая обоих.

— Не нужно делать выводы раньше времени, — сказала она. — Я говорю только о реакции, а не о причине.

Она почувствовала раздражение. Снова эти недосказанные слова. Снова люди, которые будто знали больше, чем хотели признать.

— Вы двое давно знакомы? — спросила она, переводя взгляд между Мирой и Эреном.

— Достаточно давно, — ответила Мира.

— Настолько давно, чтобы заранее знать, что происходит со мной?

Эрен встретился с ней взглядом. На этот раз он не стал скрывать растерянность.

— Не с тобой, — произнес он медленно. — С этим уже происходило раньше.

В комнате стало тихо. Кай повернулся к нему.

— Эрен.

Одного этого имени оказалось достаточно, чтобы тот замолчал. Она ощутила, как поднимается тревога.

— Что именно происходило раньше?

Мира опустила взгляд. Эрен сжал пальцами край свитка. Несколько мгновений никто не отвечал. Затем Мира неожиданно взяла со стола кусок хлеба и положила его перед Эреном.

— Сначала поешь, — произнесла она. — Когда ты голодный, твои исследования становятся еще менее убедительными.

Эрен недовольно посмотрел на нее.

— Это манипуляция.

— Это забота.

— Разница между ними сомнительна.

— Зато хлеб настоящий.

Кай тихо усмехнулся. Она тоже не удержалась от улыбки. На несколько мгновений напряжение исчезло. За окном продолжал падать снег, очаг потрескивал, а в доме пахло травами, древесным дымом и горячей пищей. Четыре человека сидели вокруг одного стола, и впервые после пробуждения в лесу ей пришла мысль, что, возможно, ей не придется проходить этот мир в одиночку. Мысль оказалась теплой. Слишком теплой. Она почти физически почувствовала, как пространство вокруг нее отозвалось. Пламя в очаге поднялось выше. Ложка на столе слегка сдвинулась. Эрен замер. Мира подняла голову. Кай закрыл глаза.

— Только не думай ни о чем важном, — произнес он устало.

Она хотела рассмеяться, однако вместо смеха почувствовала внезапную слабость. Перед глазами снова вспыхнул белый свет. На этот раз видение оказалось другим. Она увидела четверых людей. Они сидели вокруг стола точно так же, как сейчас. Только за окном не было снега. На стекле отражался яркий белый свет. Кто-то держал ее за руку. Кто-то плакал. А девочка лет десяти стояла рядом со столом и повторяла фразу, которую она почему-то узнала раньше, чем слышала.

— Не уходи, пожалуйста.

Видение постепенно исчезло перед её глазами. Лея резко вдохнула после этого ощущения. Перед ней снова были Кай, Мира и Эрен. Никто не произнес ни слова. Однако Эрен смотрел на нее так, будто увидел не видение, а воспоминание. Мира побледнела. А Кай поднялся со своего места.

— Вы оба это почувствовали? — спросил он.

Мира не ответила. Эрен тоже молчал. И тогда за стеной снова ударил колокол. Только на этот раз вместе с ним раздался детский голос. Он прозвучал прямо внутри дома.

— Ты опять меня не узнала.

Глава 9. Тот, кого здесь не должно быть

Детский голос исчез так же внезапно, как появился, оставив после себя такую густую тишину, что потрескивание поленьев в очаге стало почти оглушительным. Она сидела неподвижно, чувствуя, как сердце постепенно возвращается к привычному ритму, хотя внутри продолжало жить ощущение, будто кто-то только что приоткрыл дверь в помещение, которого здесь не существовало. Кай первым нарушил молчание.

— Никто не должен выходить из дома, пока мы не поймем источник этого голоса, — произнес он, медленно оглядывая комнату.

Эрен уже собирал свои свитки, однако делал это непривычно торопливо. Несколько пергаментов соскользнули со стола, и он даже не попытался поднять их сразу. Мира стояла возле очага, прижав ладонь к груди, будто проверяла собственное сердцебиение. Она поднялась со своего места.

— Я хочу выйти наружу.

Кай резко повернулся к ней.

— После того, что только что произошло, это решение выглядит крайне неразумным.

— Поэтому я хочу выйти, — ответила она. — Если этот голос действительно связан со мной, прятаться от него внутри чужого дома бессмысленно.

Кай несколько мгновений изучал ее лицо, затем тяжело выдохнул и забрал со стола короткий плащ.

— Тогда я пойду рядом.

Эрен резко поднял голову от записей.

— Я тоже пойду.

Мира забрала свою сумку.

— Значит, сегодня никто не собирается слушать разумные предложения.

— Сегодня разумные предложения закончились вместе с первым ударом колокола, — заметил Эрен.

Они вышли наружу. Ночной воздух оказался ледяным и чистым. Снег продолжал падать, однако теперь хлопья казались необычно медленными, будто само пространство потеряло привычное течение времени. Деревенская улица тянулась между темными домами к северным воротам, где еще недавно светились знаки. Теперь там ничего не было. Ни женщины. Ни следов. Ни светящихся символов. Только дерево, покрытое тонкой коркой инея. Она подошла к нему.

— Здесь кто-нибудь видел следы?

Кай присел возле ворот.

— Здесь никто не проходил.

— Ты уверен?

— Настолько, насколько человек может быть уверен после ночи, которая решила нарушить все привычные правила.

Она едва заметно улыбнулась.

— Иногда ты говоришь почти как человек.

Кай поднялся.

— Иногда мне приходится соответствовать компании.

Мира тихо усмехнулась, а Эрен покачал головой. Однако веселье исчезло почти сразу. Из леса донесся звук. Это был не голос. Не шаг. Не звериный крик. Сначала она услышала едва различимый шелест, затем низкое гудение, похожее на звук далекого ветра. Через несколько секунд гудение усилилось, и снег перед воротами начал подниматься с земли тонкими спиралями. Эрен отступил.

— Это уже не защитная реакция.

— Что тогда происходит? — спросила Мира.

Эрен не ответил. Она чувствовала ответ раньше него. Пространство перед воротами становилось мягким, будто поверхность воды, которую кто-то осторожно коснулся изнутри. Белый снег закручивался вокруг невидимой точки, и постепенно в центре этого движения появилась темная человеческая фигура. Сначала обозначились плечи. Потом руки. Затем лицо. Он сделал шаг вперед. Снег опал. Перед ними стоял мужчина. Он был выше Кая, но двигался без демонстративной тяжести, присущей людям, привыкшим полагаться на силу. Темные волосы падали на лоб, на плечах лежал длинный дорожный плащ, а на лице сохранялось выражение спокойного внимания, которое почему-то сразу вызвало у нее раздражение.

Не потому, что он выглядел опасным. Потому, что он выглядел слишком правильным. Его лицо будто состояло из тех черт, которые художник выбирает после нескольких десятков неудачных попыток. В нем не было ничего болезненно идеального, ничего неестественно симметричного, однако каждая деталь находилась именно там, где должна была находиться. Серые глаза, темные брови, спокойная линия губ, уверенная осанка и едва заметная насмешка в выражении лица создавали образ человека, которого невозможно было представить случайным прохожим. Она почувствовала неприятное узнавание. Не лицо. Сочетание. Когда-то она долго работала над подобным образом. Не в книге.

В черновиках. Он стоял перед ней так, будто вышел из страницы, которую она давно закрыла. Кай обнажил меч.

— Назови свое имя.

Незнакомец перевел взгляд на капитана.

— Ты всегда начинаешь знакомство с оружия?

— Только когда человек появляется из воздуха возле деревенских ворот.

Мужчина едва заметно улыбнулся.

— Тогда твоя осторожность выглядит оправданной.

Голос. Она знала этот голос. Не могла знать, откуда именно, однако тело узнало его раньше памяти. В груди возникло странное давление, похожее на внезапную тоску по человеку, которого она никогда не встречала. Незнакомец повернул голову к ней. И все изменилось. Его спокойствие осталось прежним, однако взгляд стал внимательнее.

— Ты наконец здесь.

Она ощутила, как поднимается раздражение.

— Сегодня слишком многие считают, что уже встречали меня.

— Потому что встреча действительно произошла.

— Когда это случилось?

Он задержал взгляд на ее лице.

— Не так давно, как тебе кажется.

Эрен резко вдохнул. Мира повернулась к нему.

— Ты его знаешь?

— Я пока не могу ответить.

Ответ прозвучал слишком быстро. Она заметила это. Незнакомец тоже заметил. На его губах появилась едва уловимая улыбка.

— Он действительно не знает меня, — произнес мужчина. — По крайней мере, та часть его памяти, которой он доверяет.

Эрен заметно побледнел после этих слов. Кай сделал шаг вперед.

— Ты слишком много говоришь для человека, который появился неизвестно откуда.

— А ты слишком мало слушаешь для человека, которому поручена охрана.

Кай напрягся. Она почти ожидала конфликта, но мужчина неожиданно поднял руки, показывая отсутствие оружия.

— Я не пришел сражаться.

— Тогда объясни свое появление, — потребовала она.

Он снова посмотрел на нее.

— Ты попросила меня прийти.

Она почувствовала, как холод становится сильнее.

— Я тебя никогда не звала.

— Ты могла не произнести этого вслух.

Ответ заставил ее замолчать. Слова совпадали с тем, что происходило с магией. Мысль становилась приказом. Но если это было правдой, тогда кто перед ней стоял? Она попыталась отыскать в памяти хоть одну сцену, в которой могла придумать его существование. Перед глазами всплыли страницы старой рукописи, перечеркнутые абзацы, бесконечные заметки о характере персонажа, спорные решения, от которых она отказалась. Один образ возник особенно отчетливо. Мужчина, который должен был обладать спокойствием, силой и свободой воли. Мужчина, который никогда не соглашался с Леей просто потому, что она была автором. Она заставила себя не думать об этом. Поздно.

Незнакомец улыбнулся.

— Ты сейчас пытаешься вспомнить мое имя.

Она на миг остановилась.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что ты всегда делаешь это, когда пытаешься скрыть удивление.

У нее перехватило дыхание.

— Я никогда тебя не видела.

— Тогда почему ты знаешь, как я улыбаюсь?

Ответ последовал не сразу. Потому что знала. Слишком хорошо. Кай перевел взгляд с нее на незнакомца.

— Назови свое имя.

Мужчина на несколько секунд задумался. Это было первое несовершенное движение, которое она в нем заметила.

— В этом месте меня называют по-разному.

— А ты как называешь себя?

Незнакомец посмотрел на собственные ладони, словно проверял, принадлежат ли они ему.

— Пока никак.

Эта фраза почему-то напугала ее сильнее любой угрозы. Мира сделала шаг вперед.

— Ты человек?

Мужчина повернулся к ней.

— Я чувствую холод, голод и боль.

— Ты пока не ответил на вопрос.

— Тогда мне потребуется больше времени, чтобы найти правильный.

Эрен тихо выругался себе под нос. Она снова взглянула на незнакомца. Он казался спокойным, но за этим спокойствием скрывалось что-то еще. Не пустота. Не холодность. Скорее, отсутствие привычных границ, которые отделяют одного человека от другого. Он будто только что открыл глаза и обнаружил вокруг себя мир, который уже почему-то понимал.

— Как ты оказался здесь?

— Я шел.

— Откуда?

— Из места, которого больше нет.

— Откуда ты знаешь эти знаки, если прежде здесь не был?

Вопрос вырвался прежде, чем она успела остановить его. Незнакомец замолчал. На лице Кая появилось напряжение. Эрен перестал дышать. Мира едва заметно отвела взгляд. А мужчина вдруг улыбнулся совсем иначе. Теперь в его выражении появилась человеческая растерянность.

— Почему ты спрашиваешь именно об этом?

Она ощутила: внутри что-то оборвалось.

— Потому что ты похож на одного человека из моей книги.

Незнакомец медленно приблизился. Кай мгновенно выставил перед ней руку, однако мужчина остановился сам, не пытаясь пройти дальше.

— Тогда расскажи мне о нем.

Она сглотнула.

— Он должен был быть сильным, но не жестоким. Умным, но не холодным. Он должен был спорить со мной, если считал мои решения неправильными. Я хотела, чтобы он обладал собственной волей.

Мужчина внимательно слушал.

— Почему именно собственной волей?

Она не сразу нашла ответ.

— Потому что иначе он был бы всего лишь отражением.

На лице мужчины появилось выражение, которого она не ожидала увидеть. Боль. Очень короткая. Почти незаметная. Но настоящая.

— Тогда, возможно, ты допустила ошибку, — произнес он.

— Какую именно?

— Ты дала мне слишком много свободы.

Она почувствовала, как по спине прошел холод. Кай повернулся к ней.

— Что он имеет в виду?

Она выдержала паузу. Потому что в этот момент незнакомец посмотрел на ее руку. Туда, где под кожей еще сохранялся едва заметный след от светящихся рун. Он поднял собственную ладонь. И знак на ее коже вспыхнул. Не так, как раньше. На этот раз он ответил ему. Мужчина резко отдернул руку, будто сам испугался произошедшего. Эрен осторожно приблизился к столу.

— Повтори движение.

— Не требуй от меня ответа сейчас.

Эрен застыл. Она тоже. Это было первое его прямое неповиновение. Не случайность. Не ошибка. Осознанный отказ. Кай опустил меч.

— Ты понимаешь, что только что сделал?

Мужчина перевел взгляд на него.

— Я понимаю, о чём ты говоришь.

Затем он снова посмотрел на нее.

— Я впервые решил сам.

Внутри нее что-то болезненно дрогнуло. Она должна была испугаться. Должна была отступить. Должна была понять, что перед ней находится не человек из ее прошлого, а нечто гораздо более опасное. Вместо этого она почувствовала совершенно другое. Она вспомнила собственную фразу из старой рукописи. Право решить самому. Когда-то она записала ее как красивую мысль. Теперь эта мысль стояла перед ней в человеческом облике. И впервые она поняла, что рядом с ней оказался человек, которого невозможно было объяснить привычными правилами этого мира. Самым страшным было другое. Он действительно мог помнить то, чего она никогда не писала.

Глава 10. Право возражать

Снег продолжал падать между ними, постепенно скрывая следы, оставшиеся после появления незнакомца. Однако никто больше не обращал внимания на снег. Все внимание было приковано к мужчине, который стоял перед воротами и спокойно держал руки вдоль тела, словно только что не нарушил самое очевидное правило этого мира. Она все еще чувствовала на коже слабое тепло от вспыхнувшего знака. Это тепло не исчезало. Казалось, оно напоминало ей о том мгновении, когда незнакомец поднял ладонь и магия ответила ему так же естественно, как отвечала ей самой. Только теперь между ними возникло нечто новое. Раньше она считала себя единственным источником происходящего, а все остальные силы воспринимала как отражение собственной воли.

Теперь отражение смотрело на нее самостоятельно.

— Ты должен объяснить, что произошло, — произнесла она.

Элиас слегка склонил голову.

— Что именно тебя интересует?

— Почему знак ответил тебе.

— Возможно, потому что он хотел ответить.

Ее раздражение вспыхнуло мгновенно.

— Символы ничего не хотят.

— Тогда почему ты называешь их защитными?

Эрен тихо втянул воздух. Кай перевел взгляд с одного собеседника на другого, будто уже понимал, что спор вот-вот перестанет быть обычным разговором. Она сделала шаг вперед.

— Ты появился несколько минут назад и уже решил спорить со мной.

— Ты ожидала другого поведения?

— От существа, которое возникло неизвестно откуда, я ожидала хотя бы немного благодарности.

Мужчина улыбнулся.

— За что именно мне следует благодарить тебя?

Она не сразу нашла ответ.

— За то, что ты существуешь.

— А если мое существование не является твоей заслугой?

Эта фраза ударила сильнее, чем она ожидала. В его голосе не было вызова. Это раздражало больше всего. Он не пытался унижить ее или доказать собственное превосходство. Он просто произнес мысль, которая казалась ему очевидной. Она скрестила руки на груди.

— Тогда объясни, откуда ты появился.

— Я не могу.

— Ты помнишь место, откуда пришел?

— Помню ощущение.

— Какое именно?

Он задумался.

— Будто меня долго держали в темноте, а потом кто-то открыл дверь.

Эрен сделал шаг вперед.

— Ты помнишь, кто открыл эту дверь?

Мужчина перевел на него взгляд.

— Помню голос.

— Чей голос?

Незнакомец снова посмотрел на нее. Ответ оказался настолько очевидным, что Эрен больше ничего не спросил. Она ощутила, как поднимается холод.

— Что говорил этот голос?

— Он спорил со мной.

Она заметно нахмурилась после услышанного.

— О чем?

— О том, кем мне следует быть.

Ветер усилился. Снег закружился вокруг ворот, и на несколько секунд все четверо оказались внутри белого вихря. Она почувствовала знакомое давление в висках, однако теперь оно сопровождалось чем-то новым. Не болью. Ожиданием. Мир будто ждал ее решения. Она закрыла глаза.

— Подойди ко мне.

Мужчина не двинулся. Она открыла глаза снова.

— Я попросила тебя подойти.

— Я слышал просьбу.

— Тогда почему ты остался на месте?

Он посмотрел на нее совершенно спокойно.

— Потому что не хочу.

Кай тихо выдохнул. Эрен прикрыл глаза ладонью. Мира едва заметно улыбнулась. Она же почувствовала, как внутри что-то неприятно щелкнуло.

— Ты понимаешь, что я могу заставить тебя?

— Вероятно.

— Тогда почему продолжаешь спорить?

— Потому что возможность заставить меня не делает твоё желание правильным.

Она не спешила отвечать. Эта фраза была слишком похожа на то, что она сама когда-то написала в заметках. Только здесь ее произносил человек, который не должен был знать этих слов. Она отвернулась от него и несколько раз глубоко вдохнула.

— Хорошо. Тогда будем считать, что ты свободен.

Мужчина внимательно наблюдал за ней.

— Ты произносишь это так, будто можешь забрать свободу обратно.

Она повернулась к нему.

— А разве не могу?

— Именно этого я пока не знаю.

Впервые в его голосе прозвучала осторожность. Она почувствовала неожиданное желание рассмеяться.

— Наконец-то нашелся человек, который умеет сомневаться.

— Я сомневаюсь во многих вещах.

— В каких именно?

— В тебе.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что она даже не сразу поняла его смысл.

— Ты сомневаешься во мне?

— Я сомневаюсь в том, что ты понимаешь последствия собственных желаний.

Кай на миг замолчал, всматриваясь в неё.

— Следи за словами.

Мужчина повернулся к нему.

— Я следил за ними достаточно долго.

Кай сделал шаг вперед.

— Тогда тебе следует научиться следить еще и за собственным поведением.

Между мужчинами возникло напряжение. Она почувствовала, как пространство вокруг них снова становится плотнее.

— Хватит.

Слово прозвучало негромко. Но снег остановился. Не упал на землю. Просто замер в воздухе. Все четверо одновременно подняли головы. Она почувствовала, как магия проходит через тело, словно холодная вода. Каждый снежный кристалл вокруг них неподвижно висел в воздухе, отражая слабый свет деревенских фонарей. Эрен медленно произнес:

— Ты даже не поднимала руку.

Она смотрела на снег.

— Я просто захотела тишины.

Мужчина находился ближе всех. Он тоже наблюдал за неподвижными снежинками.

— Ты снова приказала миру.

Она повернула к нему лицо.

— А ты снова споришь.

— Потому что мир не обязан соглашаться с тобой.

— Этот мир создан так, чтобы подчиняться.

— Тогда почему он начал сопротивляться?

Она не нашла ответа. Снежинки внезапно сорвались вниз. Все одновременно. Звук их падения оказался почти неслышным, однако она ощутила резкий удар в голове. Колени подогнулись, и мужчина оказался рядом раньше Кая. Он поймал ее за локоть. Она попыталась отстраниться.

— Не трогай меня.

Он сразу отпустил. Однако прежде чем она успела выпрямиться, его лицо изменилось.

— Тебе больно.

— Это пройдет.

— Ты говоришь это слишком уверенно.

— А ты слишком много замечаешь.

— Мне приходится.

— Что тебя тревожит?

Он на мгновение задумался.

— Потому что рядом с тобой происходят вещи, которые нельзя не замечать.

Она хотела ответить, однако почувствовала новое головокружение. Мира тут же оказалась рядом и поддержала ее за плечо.

— Тебе нужно вернуться в дом.

— Мне не нужна помощь.

— Сейчас нужна.

Мира говорила спокойно, но в ее голосе не было места для спора. Эрен тем временем присел возле снега.

— Здесь остался след.

Кай подошел к нему.

— Какой след?

Эрен провел пальцами над землей, не касаясь поверхности.

— Магический отпечаток.

— Чей?

Эрен резко поднял голову от записей.

— Их обоих.

Она почувствовала новый холод.

— Что значит «обоих»?

Эрен медленно выпрямился.

— Следы почти одинаковые.

Мужчина рядом с ней посмотрел на землю. На его лице появилось выражение настоящего удивления.

— Тогда это объясняет многое.

Она резко повернулась к нему.

— Что ты хочешь сказать?

Он некоторое время молчал. Затем произнес:

— Я думал, что создавался отдельно от тебя.

Она не сразу решилась сделать следующий шаг.

— А теперь?

Мужчина перевел взгляд на нее.

— Теперь я подозреваю, что ты создавала меня вместе с собой.

Слова повисли в воздухе. Мира отвела взгляд. Кай сжал челюсть. Эрен заметно побледнел после этих слов. Она почувствовала, что не может вдохнуть полной грудью.

— Я тебя не создавала.

— Тогда почему твоя магия узнает меня?

— Потому что ты похож на персонажа из моей книги.

— Я не говорю о сходстве.

Он поднял руку. На его ладони появилась тонкая светящаяся линия. Она повторяла тот же рисунок, который несколько минут назад возник на ее коже. Только теперь символ медленно менялся. Линия разветвилась. Потом вторая. Затем третья. Она узнала этот узор. Когда-то она сама нарисовала его на полях рукописи. Не как магический знак. Как схему. Для персонажа, который должен был обладать собственным сознанием.

— Ты помнишь, что это такое? — спросил он.

Она заставила себя ответить.

— Мне нужно подумать.

Он внимательно наблюдал за ее лицом.

— Тогда почему ты испугалась?

Она хотела сразу возразить ему. Не успела. Потому что в этот момент светящийся рисунок на его ладони изменился. Внутри него появилась новая линия. Такая же, какую она видела на световой поверхности кристалл связи перед аварией. Тонкая вертикальная полоса. Затем вторая. Затем третья. И наконец вокруг знака возникло изображение дерева с девятью уровнями. Один уровень оставался пустым. Тот самый. Она почувствовала, как сердце пропускает удар. Мужчина поднял глаза.

— Теперь я вспомнил еще кое-что.

Она почти шепотом спросила:

— Объясни, что ты имеешь в виду.

Он сделал шаг ближе.

— Ты уже пыталась создать меня раньше.

Она почувствовала, как мир вокруг нее начал темнеть.

— Сколько раз?

Мужчина замолчал. А затем впервые за все время его спокойное лицо стало по-настоящему испуганным.

— Столько, сколько раз ты забывала меня.

Глава 11. То, что отвечает на прикосновение

Последние слова незнакомца продолжали звучать в ее сознании, хотя сам он уже отвернулся от ворот. Она пыталась удержать мысль, не позволяя ей превратиться в новую волну паники, однако фраза о прежних попытках настойчиво возвращалась, словно кто-то снова и снова проводил пальцем по одному и тому же месту на старой странице. Мира первой заметила, что она пошатнулась.

— Тебе необходимо присесть хотя бы на несколько минут, — произнесла целительница, подходя ближе. — После такого напряжения тело не всегда предупреждает заранее.

— Со мной все будет хорошо, если никто больше не начнет вспоминать мою прошлую жизнь вместо меня.

Мира едва заметно улыбнулась.

— Тогда тебе придется провести остаток вечера совершенно одной.

— Судя по сегодняшним событиям, одиночество уже перестало быть доступной роскошью.

Эта реплика заставила Кая усмехнуться, а Эрен даже тихо рассмеялся, впервые за последние минуты сбрасывая с лица напряжение. Элиас тоже улыбнулся, однако его реакция отличалась от остальных. Он не просто отреагировал на шутку, а будто внимательно запомнил ее интонацию. Она заметила это. И почему-то ей стало неловко. Не страшно. Именно неловко. Она отвернулась от него и направилась обратно к дому, но едва успела сделать несколько шагов, как из дальнего конца деревни донесся крик. Он был коротким, испуганным и настолько настоящим, что вся усталость мгновенно отступила перед знакомым внутренним импульсом. Кай первым сорвался с места.

— Оставайтесь здесь, пока я проверю источник.

Она почти сразу пошла следом.

— После сегодняшнего вечера это распоряжение звучит особенно убедительно.

Кай обернулся через плечо.

— Поэтому я рассчитывал, что ты его нарушишь.

Элиас догнал их без единого лишнего движения. Он шел рядом с ней так естественно, будто уже давно привык подстраивать шаг под ее темп. Она заметила это и попыталась ускориться, но через несколько секунд обнаружила, что он снова оказался рядом.

— Ты всегда так быстро двигаешься? — спросила она.

— Только когда пытаюсь не отставать.

— От меня?

— Пока да.

Она почувствовала, как внутри появляется неожиданное тепло. Ей не понравилось это ощущение. Поэтому она ничего не ответила. За последними домами они обнаружили троих жителей. Двое мужчин удерживали третьего возле низкой каменной стены. На его ноге лежала тяжелая деревянная балка, сорвавшаяся со старой постройки. Крови было немного, однако сама нога лежала под неестественным углом, и лицо пострадавшего стало почти серым от боли. Мира мгновенно опустилась рядом с ним.

— Не двигайте балку, пока я не подготовлю ногу.

Она открыла сумку и достала несколько свертков с травами.

— Перелом сложный, но кость можно вернуть на место, если не торопиться.

Мужчина застонал, когда Мира коснулась его голени. Она ощутила: внутри что-то сжалось. Перед глазами возникло неожиданно ясное понимание. Она могла помочь. Не согреть кожу. Не просто остановить дрожь. Помочь действительно. Она опустилась рядом с Мирой.

— Отойди немного.

Целительница подняла на нее взгляд.

— Ты хочешь попробовать?

— Я хочу понять, могу ли я это сделать.

Мира несколько секунд изучала ее лицо, затем медленно освободила место.

— Тогда слушай тело, а не собственную уверенность.

Эта фраза оказалась неожиданно точной. Она положила ладонь на плечо пострадавшего. Сначала ничего не произошло. Она почувствовала холод кожи, напряжение мышц и быстрый пульс под пальцами. Затем внимание будто провалилось глубже. Она увидела не кровь и не кость, а сложную сеть связей, натянутых внутри тела. Там, где ткань была повреждена, линии словно разошлись в разные стороны. Она не пыталась приказывать им соединиться. Она просто представила, что они снова находят друг друга. Тепло пришло почти сразу. Сначала оно возникло в ладони, затем прошло через запястье и поднялось к плечу. Внутри тела мужчины что-то дрогнуло. Поврежденная ткань будто вспомнила прежнее положение, а кость медленно вернулась на свое место.

Мужчина резко вдохнул. Мира замерла. Кай перестал дышать. Эрен выронил один из свитков. Она продолжала держать ладонь на его плече, пока ощущение не стало слишком сильным. Перед глазами поплыл белый свет, а в ушах возник знакомый ритм. Ровный. Повторяющийся. Почти медицинский. Она попыталась отступить, но ноги отказались удерживать вес. Элиас оказался рядом первым. Он поддержал ее за талию и не позволил упасть. На этот раз она не оттолкнула его. Несколько секунд они стояли совсем близко. Она чувствовала его дыхание. Он чувствовал ее дрожь.

— Ты снова пытаешься сделать вид, будто ничего не произошло, — произнес он тихо.

— А ты снова слишком много замечаешь.

— Мне нравится замечать тебя.

Она подняла взгляд на него. В его глазах не было насмешки. Только спокойное внимание. Она первой отвернулась. Мира тем временем проверяла ногу пострадавшего.

— Перелом исчез.

Эрен присел рядом.

— Полностью?

— Осталась слабость, но повреждения больше нет.

Он осторожно коснулся пальцами кожи мужчины.

— Мне пока трудно это принять.

Она устало улыбнулась.

— Сегодня это слово звучит слишком часто.

Мира поднялась.

— Это не просто лечение.

Она ощутила, как вновь возникает тревога.

— Что тогда?

— Ты заставила тело вспомнить правильное состояние.

Эрен быстро открыл один из своих свитков.

— Такой тип воздействия должен требовать огромной концентрации.

— Теперь мне понятно, почему у меня кружится голова.

— Ты потеряла сознание почти на десять секунд.

Она заметно нахмурилась после услышанного.

— Почти на десять секунд?

Мира осторожно положила ладонь ей на запястье.

— Тебе потребуется отдых.

— Я только что помогла человеку.

— Поэтому тебе придется остановиться.

Она хотела возразить, однако заметила выражение лица Миры. В нем не было ни восторга, ни страха. Только беспокойство человека, который уже видел последствия слишком большой силы. Элиас тем временем отошел на несколько шагов. Он стоял возле стены и смотрел на свою ладонь. Она заметила это.

— Что сейчас происходит вокруг нас?

Он повернул руку. На коже появилась тонкая светящаяся линия.

— Я почувствовал то же самое, что почувствовала ты.

Эрен подошел ближе.

— Я ещё не готова с этим смириться.

— Ты часто произносишь эту фразу.

— Потому что происходящее нарушает несколько известных мне правил.

Мужчина взглянул на него.

— Возможно, правила существуют только до первого исключения.

Эрен помрачнел. Она неожиданно почувствовала улыбку. Эта фраза была ей знакома. Слишком знакома. Когда-то она сама написала нечто похожее в одном из старых черновиков, а затем вычеркнула, посчитав слишком прямолинейным. Теперь эти слова произносил человек, который не мог видеть тот черновик. Она подошла к нему.

— Покажи руку.

Он протянул ладонь. Она коснулась светящейся линии. В тот же момент вокруг них поднялся ветер. Снег закружился над деревней, хотя воздух до этого оставался почти неподвижным. Окна домов вспыхнули одно за другим, словно внутри каждого очага одновременно разгорелось пламя. Где-то за крышами зазвенели металлические подвески, а колокол на башне сам собой качнулся, хотя никто к нему не прикасался. Люди вышли из домов. Кто-то перекрестился. Кто-то опустился на колени. Кто-то просто смотрел на нее с таким страхом, будто впервые увидел не человека, а нечто, чему еще не придумали названия. Она медленно убрала руку от него. Ветер стих. Снег снова начал падать спокойно.

Кай подошел к ней.

— Теперь они будут бояться тебя.

Она посмотрела на жителей.

— Они уже боятся.

— Тогда тебе придется решить, что ты будешь делать с этим страхом.

Она не успела ответить. Из глубины земли донесся низкий гул. Сначала он был едва заметным, затем усилился настолько, что камни под ногами начали дрожать. В центре деревенской площади появилась тонкая трещина. Она протянулась по снегу к старому каменному колодцу, а затем остановилась прямо у ее сапог. Она сделала шаг назад. Трещина раскрылась. Из темной земли показался свет. Не золотой. Не зеленый. Белый. Тот самый белый свет, который она уже видела в своих провалах памяти. Эрен заметно побледнел после этих слов. Мира крепче сжала ремень своей сумки. Кай вытащил меч. А Элиас встал перед ней, хотя она не просила его об этом.

— Отойди назад, — произнес он.

Она хотела возразить, но вдруг услышала внутри земли знакомый ритм. Один удар. Следом тишина сомкнулась на несколько ударов сердца. Второй удар. Еще одна пауза. И третий. Ритм совпадал с тем звуком, который преследовал ее с момента аварии. Она опустилась на колени возле трещины. Свет под землей стал ярче. На камне рядом с ее рукой начали проступать символы. Первый знак она не узнала. Второй оказался знаком защиты. Третий был похож на дерево с девятью уровнями. А четвертый заставил ее перестать дышать. Это был не символ. Это было ее имя. Только написанное почерком, которым она никогда не пользовалась.

Глава 12. Цена хлеба

Имя на камне продолжало светиться под ее ладонью, однако она больше не решалась прикоснуться к нему. Белое сияние медленно уходило в трещины, будто подземный свет возвращался туда, откуда пришел, оставляя после себя лишь тонкие серебристые линии. Ритм, который несколько мгновений назад отдавался в земле, тоже исчез. Она медленно убрала руку от него. Камень оказался холоднее снега. Кай приблизился к ней и внимательно оглядел поверхность, не касаясь ее пальцами.

— Лучше отойди от этого места, пока земля снова не решила изменить правила.

Она поднялась со своего места.

— Ты говоришь так, будто земля здесь часто занимается подобными вещами.

— После сегодняшнего вечера я перестал доверять даже тем вещам, которые раньше считал неподвижными.

Эрен присел возле трещины и осторожно провел рукой над камнем.

— Здесь осталась магическая структура.

Мира заметно нахмурилась после этих слов.

— Насколько сильная?

— Настолько, что я не хочу проверять ее собственными руками.

Элиас стоял чуть поодаль, наблюдая за ними. Его внимание снова казалось слишком сосредоточенным, однако на этот раз он не вмешивался. Она поймала его взгляд и почувствовала знакомое раздражение, смешанное с непонятным любопытством.

— Почему ты молчишь?

— Потому что ты пока не задавала вопрос.

— Это не мешало тебе раньше.

— Раньше ты сама провоцировала разговор.

Она хотела ответить, но из соседнего дома донесся тяжелый кашель. Следом раздался плач ребенка. Звук оказался настолько будничным и человеческим, что вся загадка с камнем внезапно отступила на второй план. Она повернула голову к дому, затем заметила еще несколько детей, стоявших возле двери. На них были слишком тонкие рубашки для такой погоды, а лица выглядели серыми от холода. Рядом с детьми стояла женщина. Она держала пустую деревянную миску. На дне лежало несколько зерен.

— Они уже третий день получают только воду, — тихо произнесла Мира.

Она посмотрела на целительницу.

— Почему никто ничего не делает?

Мира отвела взгляд.

— Потому что в деревне закончились запасы.

— Тогда почему староста не просит помощи?

Кай ответил вместо нее.

— Просил.

— Кто отказал?

Капитан ненадолго замолчал.

— Люди, которые находятся далеко отсюда.

Она ощутила, как поднимается знакомое раздражение. Это было не то раздражение, которое появлялось во время споров с Каем или Элиасом. Оно было глубже, тяжелее, почти физически ощутимым. Перед ней стояли дети. Перед ней стояли пустые миски. А где-то существовали склады, дороги и люди, способные изменить эту ситуацию, если бы захотели.

— Покажите мне зерно, которое осталось.

Староста, стоявший неподалеку, удивленно поднял голову.

— Зачем тебе это нужно?

— Потому что я хочу понять, действительно ли здесь нечего есть.

Староста провел их в небольшое каменное помещение за своим домом. Внутри пахло сыростью, плесенью и старой мукой. На полках стояли пустые мешки. В углу находился один деревянный короб, закрытый крышкой. Староста поднял крышку. Внутри оставалось немного зерна. Она присела рядом. Зерна было так мало, что их можно было пересчитать.

— На сколько дней этого хватит?

Староста тяжело вздохнул.

— Если кормить только детей, примерно на два дня.

— А остальные люди?

— Остальные будут ждать следующего улова.

— Когда он будет?

Староста отвел взгляд.

— Если лед на заливе уйдет раньше обычного, через три недели.

Она медленно закрыла глаза. Три недели. Для человека с полной кладовой это звучало как срок. Для голодной деревни это было почти приговором.

— Я могу сделать больше.

Кай сразу повернулся к ней.

— Что именно ты собираешься сделать?

— Увеличить зерно.

Эрен резко поднял голову.

— Это уже не изменение тепла или движения.

— Я понимаю.

— Ты можешь не понимать последствий.

Она почувствовала раздражение.

— Тогда объясни мне последствия.

Эрен подошел ближе.

— Магия берет силу из твоего внимания. Чем сложнее изменение, тем больше ресурсов требуется. Ты уже использовала способность несколько раз подряд, а затем провела исцеление.

— Значит, я устану.

— Возможно, гораздо сильнее.

— А если не попробовать?

Эрен не ответил. Мира положила ладонь на его плечо.

— Иногда отсутствие действия тоже имеет последствия.

Кай посмотрел на нее.

— Ты поддерживаешь эту затею?

— Я поддерживаю людей, которым нечего есть.

Элиас стоял у двери.

— Тогда сначала нужно решить, что именно она должна изменить.

Она повернулась к нему.

— Как это понимать?

— Если ты создашь еду из ничего, завтра люди захотят повторить это снова.

— Тогда я повторю.

— А если однажды ты не сможешь?

Вопрос оказался неприятно точным. Она посмотрела на мешки.

— Я не обязана решать все будущие проблемы прямо сейчас.

— Но твое первое решение создаст ожидание следующего.

Она ощутила, как поднимается сопротивление.

— Ты слишком быстро привык давать мне советы.

— Возможно, потому что ты слишком быстро привыкла считать последствия только своей проблемой.

Она замолчала. Эта фраза задела ее сильнее, чем должна была. Когда-то ей казалось, что свобода означает возможность самой принимать решения. Теперь она впервые столкнулась с другой стороной этой свободы. Если ее решения способны менять жизнь других людей, значит, право выбора неизбежно превращается в ответственность. Она снова посмотрела на зерно.

— Я попробую.

Мира кивнула.

— Тогда делай это постепенно.

Она поставила ладони над коробом. Сначала ничего не происходило. Она ненадолго прикрыла веки. Перед внутренним взглядом возникли зерна. Каждое отдельное зернышко. Его форма. Его вес. Его сухая оболочка. Она представила рядом с каждым зерном еще одно. Затем еще одно. Не тысячи. Не бесконечность. Только столько, сколько было необходимо для первых дней. Тепло возникло в ладонях. Потом пришла боль. Она была знакомой, но теперь ощущалась гораздо глубже. Казалось, кто-то медленно вытягивает из головы тонкую нить, проходящую через память. Вместе с болью начали исчезать мелкие детали. Она забыла название города, который видела из леса. Затем забыла цвет стен собственного дома.

Потом на мгновение перестала помнить голос Лиоры. Она испугалась. Магия усилилась. Зерно начало множиться. Один мешок наполнился. Потом прозвучал второй короткий сигнал. Затем третий. Она открыла глаза снова. Внутри помещения стало светло. Эрен стоял неподвижно. Мира закрыла рот ладонью. Кай опустил руку с меча. Староста плакал. Она хотела спросить, почему он плачет, но внезапно поняла, что не может вспомнить его имя. Хотя несколько минут назад оно было ей известно. Магия прекратилась. Она рухнула на колени. Элиас успел подхватить ее прежде, чем она ударилась о каменный пол.

— Не закрывай глаза.

— Я просто устала.

— Ты теряешь память.

Она попыталась улыбнуться.

— Кажется, ты снова замечаешь слишком многое.

Он не улыбнулся.

— Мне не нравится, когда ты исчезаешь у меня на глазах.

Эти слова прозвучали настолько тихо, что она почти не была уверена, услышала ли их правильно. Мира присела рядом.

— Дай мне проверить твоё состояние.

— Только после того, как мы накормим людей.

Мира заметно нахмурилась после этих слов.

— Сейчас тебе важнее собственное состояние.

— Сейчас для меня важно и то, и другое.

Она попыталась подняться. Ноги снова подогнулись. Кай поймал ее за плечо.

— Тогда хотя бы позволь другим сделать часть работы.

Староста тем временем открыл первый мешок. Зерно действительно было настоящим. Он взял горсть, долго держал ее между пальцами, а затем прижал ладонь к лицу. За дверью уже собирались люди. Слухи распространялись быстрее любой дороги. Кто-то увидел полные мешки. Кто-то услышал о чуде. Кто-то уже называл ее спасительницей. Она услышала это слово и почувствовала раздражение.

— Не позволяйте им делать из меня святую.

Кай едва заметно улыбнулся.

— Кажется, ты слишком поздно попросила.

Староста вышел на улицу. Через несколько минут из домов начали появляться люди. Женщины приносили пустые корзины, мужчины помогали переносить мешки, дети стояли возле дверей и смотрели на зерно так, будто перед ними находилось сокровище. Одна девочка осторожно взяла горсть.

— Теперь мы будем есть?

Она присела перед ребенком.

— Теперь вы сможете приготовить хлеб.

Девочка улыбнулась. И в этот момент она почувствовала, что сделала правильную вещь. Не потому, что получила благодарность. Не потому, что люди начали смотреть на нее иначе. Потому что впервые ее сила не просто изменила предмет. Она изменила чью-то жизнь. Однако почти сразу за этим ощущением пришло другое. Вдали раздался рог. Один протяжный звук. Потом прозвучал второй короткий сигнал. Кай мгновенно поднялся.

— Это не деревенский сигнал.

Эрен выбежал на дорогу. Через несколько секунд он вернулся.

— На северной дороге появились всадники.

Староста побледнел.

— Откуда они могли узнать?

Она поднялась.

— Узнать о чем?

Староста посмотрел на мешки.

— О зерне.

По её позвоночнику прошёл холод. Всего несколько минут назад здесь были голод, пустые амбары и тишина. Теперь здесь было чудо. А чудо редко остается незамеченным. Кай уже отдавал распоряжения жителям, когда на вершине холма показался первый всадник. За ним появились еще несколько фигур, затем целая линия вооруженных людей. На их плащах виднелся незнакомый знак. Эрен замер.

— Это люди северного наместника.

Мира тихо произнесла:

— Почему они прибыли так быстро?

Никто не ответил на этот вопрос. Она смотрела на всадников и чувствовала, как усталость возвращается вместе с тревогой. Элиас встал рядом.

— Ты изменила слишком много.

Она повернула к нему голову.

— Я всего лишь дала людям хлеб.

— Поэтому они пришли.

Первый всадник остановился возле деревенских ворот. Его взгляд скользнул по полным мешкам, затем остановился на ней. Он снял перчатку и достал свиток с печатью.

— Именем северного наместника Эйрдаля объявляю этот запас собственностью государства.

По деревне прошел тяжелый шепот. Она ощутила, как вновь возникает знакомое давление. Только теперь магия реагировала не на страх. Она реагировала на гнев. Снег возле ее ног начал медленно таять. А затем все зерно в деревенских мешках одновременно засветилось изнутри.

Глава 13. Цена чуда

Зерно продолжало светиться в мешках, и этот свет уже невозможно было принять за случайное отражение. Он пробивался сквозь грубую ткань мягким молочным сиянием, превращая каждый мешок в маленький источник рассвета посреди заснеженной деревни. Люди замерли возле домов, не решаясь приблизиться, а всадники на дороге смотрели на происходящее с той сосредоточенностью, которая бывает у людей, впервые увидевших нечто, способное изменить привычный порядок вещей. Она стояла перед воротами и чувствовала, как усталость постепенно уступает место раздражению. Несколько минут назад эти мешки означали для нее только одно: дети перестанут ложиться спать голодными. Теперь вокруг них уже возникли требования, печати, вооруженные люди и право собственности, о котором никто из голодных жителей не спрашивал.

Старший всадник спешил. Его одежда была темной, добротной сшитой и слишком чистой для человека, который приехал по заснеженной дороге. На груди виднелся знак северного наместника, а на поясе висел короткий меч без украшений. Он передал поводья одному из сопровождавших его людей и медленно приблизился к воротам.

— От имени северной администрации я требую передать государству весь запас, созданный этой ночью.

Староста сделал шаг вперед.

— Эти люди голодали почти неделю.

— Поэтому запас должен находиться под государственным учетом.

— Учет не наполнит детские миски.

Всадник перевел взгляд на старика.

— А отсутствие порядка однажды наполнит их могилы.

Фраза прозвучала спокойно. Именно спокойствие сделало ее особенно неприятной. Она почувствовала, как рядом напрягся Кай.

— Кто вы такой? — спросила она.

Всадник повернулся к ней.

— Капитан Арвен Даль, представитель северного наместника.

— Тогда объясните мне, почему вы считаете эти мешки государственным имуществом.

— Потому что изменение материи невозможно без источника силы, который должен находиться под контролем власти.

— Почему должен?

Капитан слегка прищурился.

— Потому что сила, способная создавать ресурсы из ничего, меняет равновесие между территориями.

Эрен тихо произнес:

— Он говорит о политике.

Она повернула к нему голову.

— Я поняла.

— Тогда тебе следует понять и другое.

Эрен говорил уже серьезнее.

— Если слух о твоём даре дойдет до столицы, сюда придут не только чиновники.

Мира заметно нахмурилась после этих слов.

— Здесь появятся люди, которые захотят понять природу этой силы.

— И люди, которые захотят ею распоряжаться, — добавил Кай.

Элиас стоял рядом, молча наблюдая за разговором. Она заметила, как его пальцы слегка сжались.

— Ты тоже хочешь что-то добавить?

— Я пытаюсь понять, почему люди начинают делить между собой то, что еще минуту назад принадлежало голодным детям.

Капитан Арвен услышал эти слова.

— Потому что любое чудо становится политическим вопросом, когда способно изменить количество еды, оружия или земли.

Она кивнула в ответ на слова. Ответ ей не понравился, однако в нем была неприятная логика. Это раздражало еще сильнее.

— Хорошо, — произнесла она. — Допустим, вы правы насчет последствий. Что конкретно вы собираетесь делать с зерном?

— Государство распределит его между северными поселениями.

— Какими именно поселениями?

— Решение примет наместник.

— Значит, деревня, которая сейчас стоит перед вами, может снова остаться голодной.

Капитан не ответил. Его молчание оказалось достаточно ясным. Она ощутила, как поднимается сила. Не вспышка. Не боль. Скорее, тихое давление, которое постепенно распространялось от груди к пальцам. Мужчина рядом заметил перемену.

— Не торопись.

Она повернула к нему лицо.

— Я ничего не собираюсь делать.

— Поэтому я и попросил тебя не торопиться.

В его голосе не было приказа. Только предупреждение. Она неожиданно послушалась. Сила осталась внутри. Капитан Арвен тем временем достал свиток.

— Мне необходимо зафиксировать ваше имя и происхождение.

— У меня нет местного происхождения.

— Тогда назовите землю, из которой прибыли.

Она на мгновение замолчала. Назвать город означало бы произнести имя места, которое уже казалось частью сна. Назвать собственную страну означало бы попытаться объяснить невозможное человеку, который уже решил отнести ее к неизвестной категории.

— У меня нет ответа, который вам понравится.

Капитан спокойно свернул свиток.

— Тогда придется использовать другое определение.

— Какое?

Он посмотрел на светящиеся мешки.

— Источник.

Это слово изменило выражение лица Кая.

— Осторожнее.

Капитан повернулся к нему.

— Я выполняю приказ.

— А я предупреждаю тебя как человек, который уже видел, чем заканчивается слепое исполнение приказов.

На несколько секунд между мужчинами возникла тяжелая тишина. Она впервые заметила, как Кай держит плечи. Не как солдат перед противником. Как человек, который вспоминает собственную ошибку. Она не знала подробностей его прошлого, но теперь увидела, что для него слово «приказ» означало не просто служебную обязанность.

— Капитан, — произнесла она тихо. — Сколько людей погибло из-за приказа, который вы не стали оспаривать?

Кай замер. Он не ответил на этот вопрос. И этого оказалось достаточно. Элиас внимательно посмотрел на него.

— Теперь я понимаю, почему ты так держишь меч.

Кай повернул голову.

— Не начинай.

— Я не обвиняю тебя.

— Тогда не продолжай.

Она почувствовала странную близость между ними. Не дружбу. Еще нет. Скорее, узнавание двух людей, которые по-разному столкнулись с одним вопросом: что делать, когда приказ требует поступить против собственной совести. Она снова обратилась к капитану Арвену.

— Я не отдам вам зерно.

— Тогда мне придется изъять его силой.

Кай шагнул вперед.

— Это будет ошибкой.

— Я не спрашивал вашего совета.

— А я не предлагал совет.

Рука Кая легла на рукоять меча. Несколько жителей отступили. Она почувствовала, как воздух вокруг становится тяжелее. Элиас встал рядом с ней. Не впереди. Не позади. Именно рядом. Это почему-то оказалось важнее, чем если бы он заслонил ее собой.

— Ты не собираешься меня защищать? — спросила она почти шепотом.

— Ты не просила защиты.

— А если попрошу?

Он повернул голову.

— Тогда я сначала спрошу, от кого именно тебя нужно защищать.

Она невольно улыбнулась. Напряжение между ними стало чуть легче. Капитан Арвен заметил эту улыбку.

— Значит, вы двое пришли сюда вместе.

Сначала она промолчала.

— Это имеет значение? — спросил Элиас.

— Для государства имеет значение все, что может представлять угрозу.

— Тогда вам придется записать слишком много имен.

Арвен сделал знак своим людям. Всадники начали спешиваться. Кай обнажил меч. Жители отступили к домам. Мира быстро собрала детей возле старой стены. Эрен раскрыл свиток и начал рисовать схему. Она почувствовала, как сила снова поднимается внутри. Но теперь она не хотела сражаться. Она хотела остановить конфликт до того, как он станет неизбежным. Она подняла руку. Снег вокруг деревни замер. Всадники остановились. На земле между двумя сторонами появилась тонкая светящаяся линия. Она не была стеной. Скорее, границей. Невидимой до того момента, пока она не захотела ее увидеть. Капитан Арвен сделал шаг. Его сапог остановился у самой линии.

— Что ты сделала?

— Провела границу.

— Между кем?

Она посмотрела на него.

— Между теми, кто пришел забрать еду, и теми, кому эта еда нужна.

Арвен попытался переступить через линию. Не смог. Его тело будто уперлось в невидимую поверхность. Эрен резко поднял голову.

— Это уже не изменение материи.

Мира заметно нахмурилась после этих слов.

— Она изменила пространство.

Она почувствовала это тоже. Внутри головы возникло давление, намного тяжелее прежнего. Мир вокруг стал чуть размытым, а звуки отдалились. Ей пришлось сосредоточиться, чтобы удержать границу. Кай заметил ее состояние.

— Сколько ты сможешь держать это?

Она попыталась ответить. Слова не пришли. Потому что перед глазами возникло другое место. Белая поверхность. Ровный свет. Тот самый ритм. Один удар. Ритм оборвался, оставив после себя паузу. Второй. После этого наступила короткая пауза. Она медленно моргнула, пытаясь сосредоточиться. Деревня вернулась. Однако вместе с ней пришло понимание. Магия слушалась ее. Но теперь она впервые почувствовала, что сама магия начинает требовать от нее решения. Элиас осторожно приблизился к ней.

— Отпусти границу.

— Если я отпущу, они заберут зерно.

— Если ты продолжишь, ты можешь потерять сознание.

— Тогда помоги мне удержать ее.

Он положил ладонь рядом с ее рукой, не касаясь кожи.

— Я не могу управлять твоей силой.

— Тогда просто останься рядом.

Он кивнул в ответ.

— Это я могу.

Его присутствие неожиданно помогло. Дыхание выровнялось. Граница перестала дрожать. Кай тем временем подошел к капитану Арвену.

— Передайте наместнику, что деревня получила помощь самостоятельно.

— А если наместник потребует ее повторно?

Кай посмотрел на него.

— Тогда я лично отвечу за свой отказ.

Арвен долго изучал его лицо. Затем медленно убрал руку от меча.

— Вы понимаете последствия?

— Теперь понимаю.

Капитан поднял свиток.

— Тогда я передам именно ваши слова.

Он развернулся к своим людям. Всадники начали отходить. Но прежде чем первый из них успел покинуть деревню, на холме появился новый всадник. Его одежда была белой. На груди находился знак, которого она еще никогда не видела. Девять тонких линий, сходящихся вокруг пустого центра. Эрен увидел его первым. Лицо исследователя изменилось.

— Это Орден Девяти Путей.

Мира медленно произнесла:

— Значит, они тоже слышали.

Всадник остановился. Не спешиваясь, он поднял руку. На его ладони светился тот же знак, который несколько минут назад возник на ее коже. Она почувствовала, как внутри нее снова отзывается сила. Но теперь вместе с этим откликом пришел чужой голос. Он звучал прямо внутри ее головы.

— Наконец-то ты снова появилась.

Она резко повернулась к Элиасу. Он тоже услышал голос. И впервые за все время его лицо стало совершенно серьезным.

— Кажется, они ждали тебя гораздо дольше, чем мы думали.

Глава 14. Дорога на север

После слов Элиаса она еще несколько секунд не могла отвести взгляда от всадника на холме. Белая одежда казалась почти ослепительной среди серого снега, а знак Девяти Путей на его груди выглядел так, будто девять линий были выжжены прямо в ткани. Однако сильнее всего тревожило другое: голос, который прозвучал внутри ее сознания, не исчезал вместе с расстоянием. Он оставил после себя ощущение чужого присутствия. Будто кто-то стоял совсем рядом, хотя между ними лежала вся деревня. Светящаяся граница вокруг поселения дрогнула, и она почувствовала знакомое давление в висках. Сила требовала внимания, а внимание становилось все тяжелее удерживать. Перед глазами снова мелькнула белая поверхность, окруженная ровным сиянием, после чего в глубине этого света возникли какие-то темные линии.

Она моргнула, и видение исчезло.

— Тебе становится хуже, — произнесла Мира, приближаясь.

— Мне просто нужно немного времени.

— Тебе всегда нужно немного времени тогда, когда ситуация становится опаснее.

В голосе целительницы не было упрека. Только усталое беспокойство человека, который уже заметил слишком многое и теперь не собирался делать вид, будто происходящее можно объяснить обычной усталостью. Она попыталась ослабить границу. Сияющая линия на снегу стала тоньше, затем рассыпалась отдельными искрами и исчезла. Вместе с ней ушло давление, но слабость осталась. Ноги едва заметно дрогнули, и Элиас успел подхватить ее за локоть.

— Я удержу тебя.

Она почувствовала его ладонь сквозь ткань одежды. Почему-то это прикосновение оказалось гораздо ощутимее, чем все происходившее вокруг.

— Ты слишком часто оказываешься рядом тогда, когда я почти падаю.

— Возможно, я внимательно наблюдаю.

— Ты действительно наблюдаешь.

— Ты сама просила меня иметь собственную волю.

На его губах появилась едва заметная улыбка.

— Теперь тебе придется привыкнуть к тому, что я использую ее по своему усмотрению.

Она хотела ответить, однако заметила, что он смотрит не на нее. Его внимание было направлено на холм. Белый всадник исчез. Остались только следы копыт, уходящие между темными елями. Кай быстро отдал распоряжения жителям. Часть людей должна была остаться в деревне, пока не станет ясно, вернутся ли чиновники. Остальные начали собирать вещи для тех, кто решил отправиться на юг вместе с обозом. Арвен увел своих людей, но перед отъездом оставил письмо старосте. Эрен развернул его сразу.

— Здесь назначена новая проверка через три дня.

Мира заметно нахмурилась после этих слов.

— Они действительно собираются вернуться.

— Они вернутся не одни.

Она почувствовала неприятную тяжесть в груди.

— Нам нужно уходить.

Кай повернул к ней лицо.

— Куда?

Она вспомнила белый знак на холме.

— Туда, где находится Орден Девяти Путей.

Эрен резко поднял голову.

— Это плохая идея.

— И с чего вдруг такой вопрос?

— Потому что никто не знает, чего они хотят.

— Поэтому я хочу узнать.

Элиас прислонился плечом к деревянному столбу.

— Ты снова собираешься идти навстречу неизвестному.

— А ты предлагаешь мне спрятаться?

— Я предлагаю сначала понять, почему тебя уже называют той, кто возвращается.

Она замолчала. Эта фраза попала точно туда, где боль была сильнее всего. Она не хотела возвращаться. Ей хотелось впервые куда-нибудь прийти. Однако внутри нее существовало знание, которое не принадлежало сегодняшнему дню. Оно появлялось в обрывках, вспышках и непонятных ощущениях, каждый раз оставляя после себя больше вопросов.

— Я должна найти ответы.

— Тогда я пойду с тобой.

— Ты даже не спросил, куда именно.

— Ты уже выбрала направление.

Он произнес это настолько спокойно, что спорить оказалось бессмысленно. Кай тоже присоединился к разговору.

— Я отправлюсь с вами.

— Тебе не обязательно.

— Мне придется объяснить наместнику, почему я отказался изымать зерно. Лучше сделать это лично.

Эрен сложил карту.

— Тогда нас становится четверо.

Мира вздохнула.

— Судя по всему, судьба решила проверить, сколько неприятностей может выдержать одна группа за несколько дней.

Она впервые за долгое время рассмеялась. Смех вышел коротким, усталым, но настоящим. В нем неожиданно стало легче. Они покинули деревню на следующее утро. Снег за ночь стал плотнее, и дорога на север превратилась в длинную белую ленту между хвойными лесами. Слева темнели скалы, справа тянулись глубокие овраги, наполненные голубоватыми тенями. Иногда между деревьями открывался вид на замерзшее озеро, над которым висел низкий туман. Эта дорога казалась ей знакомой. Она несколько раз ловила себя на том, что заранее знает, где за поворотом появится старая сосна или где тропа начнет подниматься по каменистому склону. Первый раз она решила, что это случайность.

На третий раз ей стало трудно убедить себя в этом. Элиас заметил ее беспокойство.

— Ты снова узнаешь дорогу.

Она резко повернулась к нему.

— Почему ты так решил?

— Потому что каждый раз, когда мы приближаемся к повороту, ты начинаешь смотреть туда раньше остальных.

Она промолчала.

— Тебя это пугает?

— Меня пугает количество вещей, которые происходят без моего разрешения.

— Тогда тебе придется научиться жить рядом с ними.

Она усмехнулась.

— Ты говоришь так, будто давно этим занимаешься.

Он на мгновение отвел взгляд.

— Возможно, я тоже иногда вспоминаю то, чего никогда не проживал.

Она не стала задавать следующий вопрос. Дорога продолжалась. К полудню они достигли старого каменного моста. Под ним чернела река, частично скрытая льдом. На противополож-

ной стороне стоял небольшой заброшенный храм, стены которого были покрыты теми же символами, что она видела в деревне. Она на мгновение остановилась перед дверью. Эрен заметил изменение в ее лице.

— Ты уже видела эти знаки?

— Я их придумала.

— Это меня беспокоит.

Она подошла к нему. Один из символов был почти стерт временем. Она провела пальцами по камню. Внутри головы возник звук. Не голос. Ритм. Три коротких импульса, затем пауза, потом один длинный. Она отдернула руку. Элиас сразу оказался рядом.

— Что случилось?

— Ничего опасного.

Он внимательно изучал ее лицо.

— Ты сейчас лжешь.

— Я просто не хочу превращать каждое ощущение в новую катастрофу.

— Тогда хотя бы не превращай опасность в привычку.

Она посмотрела на него.

— Ты беспокоишься обо мне?

— Я слышу тебя.

Ответ оказался настолько прямым, что она не нашла привычной защиты в шутке. Он тоже будто понял, что сказал больше, чем собирался. Между ними возникла тишина. Не неловкая. Скорее, слишком наполненная. Она первой отвела взгляд.

— Нам нужно продолжать путь.

Они прошли храм и двинулись дальше. К вечеру лес расступился, открывая широкую долину. Вдалеке возвышались темные башни города, а над ними виднелись белые вершины гор. Где-то там находилось место, куда направлялся Орден Девяти Путей. Они разбили лагерь возле старой сторожевой башни. Кай отправился проверять окрестности. Мира готовила травяной отвар. Эрен занялся картами. Она сидела у огня и пыталась восстановить в памяти лицо Лиоры. Получилось не сразу. Она помнила волосы. Помнила голос. Помнила привычку постукивать пальцами по столу, когда Лиора была раздражена. Но цвет ее любимой кружки исчез. Как будто кто-то осторожно стер небольшой кусок воспоминания.

Она позволила векам опуститься. Элиас сел рядом.

— Что ты потеряла?

Она открыла глаза снова.

— Почему ты решил, что я что-то потеряла?

— Потому что ты выглядишь так, будто пытаешься удержать воспоминание, которое уже уходит.

Она долго молчала.

— Я забыла цвет кружки моей подруги.

Он свёл брови, обдумывая услышанное.

— Это важно?

— Для меня важно все, что принадлежит моей прежней жизни.

Он посмотрел на огонь.

— Тогда не позволяй этому миру забирать ее по частям.

Она почувствовала, как внутри болезненно сжалось сердце.

— Ты говоришь так, будто способен вернуть то, что исчезает.

— Я не обещаю невозможного.

— А что ты можешь обещать?

Он повернулся к ней.

— Что замечу, когда ты начнешь забывать.

Она не ожидала такого ответа. Поэтому не смогла сразу отвернуться. Некоторое время они сидели рядом, слушая потрескивание дров и редкий ветер в ветвях. Потом он протянул руку. Не касаясь ее лица, он убрал с ее плеча маленькую снежинку. Жест был совершенно обычным. Но она почувствовала, будто уже видела его. Не здесь и не сейчас. Не с ним. Где-то еще. На другом берегу памяти. Лея резко вдохнула после этого ощущения. Мир вокруг дрогнул. Огонь растянулся светящейся полосой. Деревья исчезли. На мгновение она увидела комнату с белыми стенами, чью-то руку возле своей ладони и мужчину, сидящего совсем близко. Затем возник детский голос.

— Не уходи, пожалуйста.

Она распахнула глаза. Перед ней снова был костер. Элиас сидел рядом. Его рука все еще находилась возле ее плеча.

— Что именно ты почувствовала в тот момент?

Она хотела ответить, но услышала шаги Кая. Он возвращался из леса. Однако шел слишком быстро.

— Нам нужно уходить.

Эрен поднялся.

— Что произошло?

Кай положил руку на рукоять меча.

— Я нашел следы.

— Чьи следы?

Кай посмотрел на нее.

— Наши.

Она заметно нахмурилась после услышанного.

— Мы только что пришли сюда.

— Поэтому я и говорю, что нам нужно уходить.

Он достал из снега небольшой металлический предмет. Она узнала его сразу. Это был тонкий знак в форме девяти соединенных линий. Но на этот раз в центре символа находилась надпись. Она была выполнена ее собственным почерком. Кай протянул предмет ей.

— Я нашел его возле дороги.

Она взяла металлическую пластину. На обратной стороне были вырезаны слова. Всего несколько слов. Их смысл заставил кровь отхлынуть от лица.

«Не позволяй ему привести тебя обратно».

Глава 15. Там, где кончается дорога

Металлическая пластина лежала у нее на ладони, холодная настолько, что кожа под ней быстро онемела. Вырезанные слова казались слишком простыми для того страха, который они вызывали: «Не позволяй ему привести тебя обратно». Она несколько раз перечитала надпись, надеясь обнаружить иной смысл, скрытый в старом написании или необычном порядке слов, однако буквы оставались прежними. Кай внимательно следил за ее лицом. Эрен приблизился и осторожно забрал пластину, поднеся ее к свету костра. Мира тоже поднялась, забыв про остывающий отвар.

— Металл выглядит древним, однако надрезы слишком свежие.

Эрен провел пальцем возле края надписи, не касаясь самой поверхности.

— Такое ощущение, будто эту пластину изготовили давно, а слова появились совсем недавно.

Она почувствовала знакомое давление в висках.

— Или наоборот.

Эрен нахмурился.

— О чём ты сейчас говоришь?

— Возможно, мы неправильно понимаем порядок происходящего.

Элиас стоял чуть поодаль и молча изучал пластину. На его лице не было ни тревоги, ни любопытства, только напряженная сосредоточенность. Она заметила это сразу.

— Ты что-то вспомнил?

Он поднял взгляд.

— Нет воспоминания, которое я мог бы назвать своим.

— Тогда почему ты так смотришь?

— Потому что эти слова обращены ко мне.

Ветер прошел над лагерем, подняв сухой снег. Кай забрал пластину у Эрэна.

— Мы не останемся здесь.

— Куда предлагаешь идти? — спросила Мира.

— К старой крепости на восточном склоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.